

Уильям Перкинс

★ УЧЕНИЕ О ★ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ

Уильям Перкинс
Учение о предопределении

«Автор»

2025

Перкинс У.

Учение о предопределении / У. Перкинс — «Автор», 2025

Классический богословский трактат великого реформатского мыслителя XVI века Уильяма Перкинса "О предопределении" представлен в современном переложении Евгения Жукова. Этот труд считается одним из наиболее глубоких и систематических изложений учения о Божественном избрании в протестантской традиции. Особая ценность данной книги заключается в том, что Перкинс рассматривает все основные контраргументы и недоумения по поводу предопределения, последовательно отвечая на возражения оппонентов. Автор раскрывает предопределение не как отвлеченную богословскую концепцию, но как живой источник христианской уверенности и покоя. Строгая логика схоластических доказательств соединяется у него с пасторской заботой о душах, ищущих твердого основания для веры. В переложении Евгения Жукова сложная терминология XVI века адаптирована для современного читателя без утраты богословской точности. Добавленные пояснения и комментарии помогают понять актуальность этого учения для сегодняшнего христианина.

© Перкинс У., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Обращение к читателю	33
Введение	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Уильям Перкинс

Учение о предопределении

Уильям Перкинс

«Учение о предопределении»

Перевод лат. В.В. Чернова

Перевод и переложение англ. Е.А. Жуков

Предисловие Евгения Жукова

Учение о предопределении часто воспринимается как одна из наиболее сложных, абстрактных и даже устрашающих богословских концепций. В академических кругах оно нередко становится предметом интеллектуальных баталий, в церковной среде – поводом для разделений, а в личном восприятии многих верующих – источником недоумения или даже отторжения. Традиционный подход представляет предопределение как сухую доктринальную схему, набор логических утверждений, предназначенных скорее для богословских дискуссий, чем для жизни веры.

Такое восприятие неудивительно. Вопросы о Божьем избрании, о суверенной воле Творца, о соотношении человеческой свободы и Божественного предуждения кажутся оторванными от повседневной духовной практики, от молитвы и поклонения, от этических решений и жизненных выборов. Предопределение часто предстает как некая метафизическая спекуляция, как теоретическое построение, не имеющее прямого отношения к тому, как христианин проживает свой день, как переносит страдания, как радуется благословениям, как общается с Богом в молитве.

Более того, из-за непонимания или искаженного толкования доктрина предопределения может восприниматься как холодная, безжалостная, даже жестокая концепция, рисующая образ Бога, произвольно решающего судьбы людей, словно шахматист,двигающий фигуры на доске. Такое восприятие создает эмоциональный барьер, препятствующий не только принятию этой доктрины, но и даже серьезному ее исследованию.

Однако я убежден, что такой подход к учению о предопределении не просто ограничен, но фундаментально ошибочен. Предопределение – это не абстрактная богословская конструкция, не устаревшая схоластическая спекуляция, но живой и действенный ключ к подлинному христианскому мистическому опыту, открывающий двери к полноте жизни во Христе.

В этом предисловии я выдвигаю тезис, который может показаться парадоксальным: именно учение о предопределении, правильно понятое и принятое, становится необходимым основанием для глубочайшего переживания Божественного присутствия, для того священного соприкосновения с реальностью Бога, которое мы называем мистическим опытом. Это не просто одна из многих доктрин, не теоретическое дополнение к практической вере, но сам фундамент, на котором строится подлинное, устойчивое, преображающее общение с живым Богом.

Предопределение открывает нам не просто что-то о Боге, но саму природу нашего отношения с Ним – отношения, которое началось не с нашего первого шага к Нему, но в вечности, до основания мира. Оно показывает нам не просто как мы можем найти Бога, но как мы уже найдены Им. И это переворачивает всю систему координат нашей духовной жизни, позволяя войти в то измерение опыта веры, которое недоступно при любой иной перспективе.

Эта книга родилась не из академического интереса или отвлеченных философских построений, но из горнила личного поиска и страдания. Двадцать лет я странствовал по пустыне православной духовности, где вместо обещанных живых вод и манны небесной находил лишь песок формализма и камни законничества. С каждым годом уныние, эта смертонос-

ная болезнь души, проникало все глубже в сердце, а радость христианской жизни, о которой свидетельствовали апостолы, казалась недостижимым миражом.

Духовные практики, многочисленные посты, длительные стояния на богослужениях, добрые дела – все это приносило лишь краткое облегчение, за которым следовало еще более глубокое погружение во тьму безрадостности. Я был подобен человеку, пытающемуся зачерпнуть воду решетом: сколько ни старайся, она всегда утекает, оставляя жажду неутоленной.

Мой путь привел меня к изучению византийской мистики, к погружению в тайны исихазма, к практике непрестанной Иисусовой молитвы. Я искал просветления и преображения в древних текстах Добротолюбия, в наставлениях афонских старцев, в усердном выполнении строгих аскетических правил. Годами я следовал всем предписаниям, стремясь достичь того непостижимого единения с Божеством, о котором свидетельствовали великие подвижники прошлого.

Но вместо обещанного духовного просветления я обрел лишь истощение тела и расстройство нервной системы. Физическое здоровье пошатнулось, разум был изнурен постоянной борьбой с помыслами, а сердце по-прежнему оставалось холодным. Всматриваясь в умноженные посты и бдения, в тысячи произнесенных молитв, я видел лишь возрастающую гору внешних деяний, под которой задыхалась душа, не находя подлинной свободы.

Даже наставления опытных афонских духовников, к которым я обращался с надеждой, не приносили разрешения внутреннему кризису. Их слова, мудрые и проверенные веками, словно разбивались о какую-то невидимую преграду в моем сердце. Они указывали путь, по которому я уже шел, но который не приводил к цели; они предлагали лекарство, которое я уже принимал, но которое не приносило исцеления.

Поворотный момент наступил, когда я обратился к изучению христианской доктрины не как набора абстрактных формул, но как живого организма, каждая часть которого связана с другими в единое целое. Подобно тому, как в величественном соборе каждый камень находит свое место лишь в общей архитектуре здания, так и отдельные богословские истины обретают полноту смысла лишь в целостном понимании Божьего замысла.

И как венчающий свод этого духовного собора, как замковый камень, без которого все здание может обрушиться, мне открылось учение о предопределении, изложенное апостолом Павлом в Послании к Римлянам. То, что прежде казалось сухой доктриной или даже камнем преткновения, внезапно предстало архитектурным венцом всего здания сотериологии, без которого спасение остается зыбким и неопределенным.

В этом откровении мне был явлен путь – чрезвычайно простой и одновременно ошеломляюще глубокий, настолько истинный, что всякое сомнение рассеялось, как утренний туман перед восходящим солнцем. Это был не новый путь, но древний, начертанный еще в Писании. Этот путь пролегает через века христианской мысли – от Климента Римского, писавшего о Божьем избрании в своем послании к коринфянам, через Иринея Лионского и его учение о предопределенной экономии спасения, к могучему Августину, чья полемика с Пелагием высекла искры истины о суверенной благодати. Эту линию продолжили Проспер Аквитанский и Фульгенций Руспийский, Исидор Севильский и Григорий Великий, бережно пронесшие факел предопределения через смутные времена раннего Средневековья.

Десятки соборов, от Карфагенского и Оранжевого во времена единой церкви до Дортрехтского и Вестминстерского после Реформации, подтверждали эту доктрину – иногда прямо, иногда косвенно, но всегда утверждая приоритет Божественной инициативы над человеческими усилиями. Даже в периоды, когда церковная практика затемняла эту истину, когда церкви казалось, что судьба души зависит от человеческих заслуг и усилий, глубинная река предопределения не пересыхала, но текла в подземных пластах богословской мысли, питая корни истинного благочестия.

И в наши дни, среди множества голосов, провозглашающих автономию человеческой воли, среди хора проповедников, возвещающих евангелие самореализации, истина о предвечном избрании не умолкает. Она звучит с кафедр верных церквей, она блистает на страницах трудов современных богословов, она шепчет в сердцах тех, кто искренне ищет незыблемого основания для своей веры. Не как новая догма, но как древнее свидетельство; не как человеческое измышление, но как Божественное откровение; не как одна из многих возможных интерпретаций, но как сама сердцевина Благой Вести.

В безмолвных глубинах вечности, когда не существовало ни времени, ни пространства, ни материи, Бог уже знал тебя по имени. В этом тайна столь ошеломляющая, что разум человеческий отступает перед ней, как волны отступают от неприступных скал. Предопределение начинается не с момента твоего рождения, не с мгновения твоего обращения, но в предвечном совете Троицы, в том священном «прежде», о котором апостол говорит: «Так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира» (Еф. 1:4).

Здесь мы соприкасаемся с абсолютным, с той изначальностью, которая предшествует всему и обуславливает всё. Это не просто хронологическая первичность, но онтологическое первенство Божьего выбора перед любым движением человеческой воли или действием человеческого духа. Прежде чем первый атом вступил в бытие, прежде чем первый луч света рассеял изначальную тьму, Бог уже принял решение о твоём вечном предназначении.

Такой выбор, совершенный до начала времен, становится единственно возможным непоколебимым основанием уверенности в спасении. Ибо если начало избрания лежит в вечности, то и его завершение не может быть подвержено превратностям времени. Что утверждено прежде сотворения звезд, не может быть поколеблено движением планет. Что решено до начала истории, не может быть отменено историческими обстоятельствами. В этом заключена мощь и слава предопределения: оно выводит судьбу души из-под власти случайностей времени и помещает ее в нерушимый порядок Божественного замысла.

Словно якорь, опущенный за завесу (Евр. 6:19), предвечное избрание удерживает корабль веры среди штормов сомнений и волн искушений. Не в силе веры, не в глубине покаяния, не в святости жизни находит душа свое последнее утешение и окончательную уверенность, но в извечном, суверенном, независимом от человеческих деяний решении Троицыного Бога. Здесь сокрыта та «твердая пища совершенных» (Евр. 5:14), о которой говорит Писание, – понимание, что не человеческое решение следовать за Христом является первопричиной спасения, но Божественное избрание до начала времен.

Христианин, пытающийся основать свою уверенность в спасении на делах или религиозных переживаниях, подобен человеку, строящему дом на песке. Сегодня фундамент кажется прочным – молитва течет, как мед, сердце пламенеет усердием, добрые дела множатся. Но приходит буря сомнений, поднимается ветер искушений, обрушиваются волны душевной сухости – и здание рушится, погребая под обломками хрупкую надежду.

Уверенность, зависящая от состояния духа или ревности в благочестии, обречена на постоянные колебания. День благодати сменяется ночью оставленности, час восторга уступает времени пустоты. И в этой непрестанной смене душевных сезонов вера то расцветает пышным цветом, то увядает до неузнаваемости. Какое жалкое основание для вечной надежды! Какой зыбкий якорь для корабля, плывущего через бурное море жизни к берегам вечности!

Христианство, построенное на зависимости спасения от человеческих дел или состояний, превращается в религию непрестанного страха и сомнения. Сегодня благодать обретена, завтра – утрачена, послезавтра – вновь восстановлена, и так до бесконечности. Душа, как измученный путник, блуждает между отчаянием и самонадеянностью, никогда не находя покоя.

Совершенно иную реальность открывает учение о предопределении. Здесь уверенность в спасении зиждется не на переменчивых эмоциях или несовершенных делах, но на неизменном решении Бога, принятом прежде основания мира. Это подобно дому, возведенному не на песке

человеческого произволения, но на нерушимой скале Божественного избрания. «На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18).

Предопределение переносит центр тяжести с человеческого на Божественное, с временного на вечное, с неустойчивого на непоколебимое. Спасение перестает быть функцией человеческого выбора и становится проявлением Божьего решения. Не «я избрал», но «Я вас избрал» (Ин. 15:16) – в этой перемене перспективы заключена вся революция духовного видения, которую производит доктрина предопределения.

Утвержденная на таком основании уверенность остается непоколебимой даже в периоды духовной сухости, даже во времена тяжких падений. Ибо если наше спасение зависит не от нас, но от Него, то и препятствия, которые мы воздвигаем, не могут отменить Его вечного решения. «Ибо дары и призвание Божие непреложны» (Рим. 11:29) – эти слова становятся не отвлеченным богословским утверждением, но живым якорем души, утверждающим ее в бурях мятежного века.

Между хрупкой надеждой и непоколебимым знанием лежит пропасть шириной в вечность. Многие христиане всю жизнь проводят в томительном полумраке неопределенности, где «может быть» и «надеюсь» становятся жалкими суррогатами веры. Они живут как нищие у врат царского дворца, не смея войти, хотя им уже вручен ключ.

Учение о предопределении совершает революцию в самосознании верующего, перенося его из зыбкого царства вероятностей в твердое царство уверенности. Это не просто перемена слов, но преобразование всего внутреннего ландшафта души. Как утренний свет преобразует долину, рассеивая туманы и четко очерчивая очертания гор, так откровение о Божественном избрании рассеивает туманы сомнений, открывая величественные вершины Божьего замысла.

Спасение перестает быть неустойчивым балансом между страхом и надеждой. Оно становится неоспоримым фактом, укорененным не в шатких эмоциях человека, но в вечном совете Троицыного Бога.

Писание не оставляет места для изнуряющей неуверенности. Оно провозглашает: «Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы имеете жизнь вечную» (1 Ин. 5:13). Не надеялись, не предполагали, не утешались возможностью – но знали! Знание это черпается не из зыбкого колодца человеческих достижений, но из неиссякаемого источника Божественных обетований, утвержденных на камне предвечного избрания.

Рассмотрите логику апостола: «Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим. 8:31). Это не риторический вопрос, но революционное утверждение. И основание этого утверждения не в чувстве Божьего благоволения, не в ощущении духовного подъема, но в объективной, непроверяемой реальности: «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим. 8:32). Если жертва уже принесена, если цена уже уплачена, если избрание уже совершено – какое место остается для мучительных сомнений?

Переход от «надеюсь» к «знаю» подобен выходу из туманной долины к ясным высотам, где душа видит не туманные очертания возможностей, но четкий контур уже совершенного. В этом заключена целительная сила предопределения – оно вырывает корень неуверенности, который отравляет всю духовную жизнь, и насаждает семя непоколебимой уверенности, которое приносит плод совершенной радости.

Страх осуждения – темная тень, преследующая душу на всех путях благочестия. Он отравляет молитву, искажает поклонение, превращает послушание в рабство. Сколько искренних сердец, стремящихся к Богу, томятся под его тяжким бременем! Сколько пламенных душ, жаждущих святости, изнемогают под его безжалостным кнутом!

Учение о предопределении разбивает эти оковы одним могучим ударом Божественной истины. Если избрание совершено до основания мира, если спасение утверждено в вечном совете Троицы, если конец определен прежде начала – какое место остается для страха осуждения? Никакое! «Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе» (Рим.

8:1). Не «может не быть», не «вероятно не будет», но категорически, абсолютно, окончательно – «нет осуждения»!

Сама логика предопределения ниспровергает основания страха. Кто может обвинить избранных Божиих? Кто может осудить тех, за кого умер Христос, воскрес и ходатайствует одесную Отца? Какой земной или небесный суд может отменить приговор оправдания, вынесенный Судией всей земли? Никакой!

Свобода, проистекающая из этой уверенности, поистине радикальна. Она не просто смягчает страх или делает его более терпимым – она полностью уничтожает его. Душа, просвещенная светом предопределения, восклицает вместе с апостолом: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15:55). Ибо если конечное прославление так же неизменно, как предвечное избрание, то ни одна сила во Вселенной не может обратить вспять поток Божественной благодати.

Замкнутая золотая цепь спасения – от предузнания через призвание и оправдание к прославлению – не имеет слабых звеньев. Каждое звено выковано в горниле Божественной любви, каждое скреплено нерасторжимыми узами Божественной верности. И душа, утвержденная на этой цепи, поднимается над бурным морем страха к недостижимым высотам совершенной безопасности во Христе.

Контраст с жизнью под бременем страха осуждения разителен. Там – рабское угождение, здесь – сыновнее послушание. Там – мучительная неопределенность, здесь – блаженная уверенность. Там – бесконечная гонка за недостижимым совершенством, здесь – покой в уже совершенном для нас Христом. Там – изнурительный труд ради спасения, здесь – благодарное служение от полноты спасения.

Окончательное доказательство этой радикальной свободы лежит не в логических аргументах, но в преображенных жизнях. Душа, принявшая истину предопределения, расцветает, как пустыня после дождя. Цветы радости, мира, любви, долготерпения распускаются там, где прежде царствовали тернии страха, сомнения и самоосуждения. Ибо нет лучшей почвы для плодов Духа, чем твердая земля уверенности в неизменной любви Божией.

Встреча времени и вечности: предопределение и «вечное сейчас»

Время – темница смертного существа, цепь, сковывающая каждое движение души, река, неумолимо несущая все сущее к океану забвения. В тисках времени рождаются наши страхи, в его бегущем потоке тонут наши надежды. Прошлое неизменно, будущее непредсказуемо, настоящее неуловимо.

Но Бог пребывает над временем. Для Него нет вчера, сегодня и завтра – есть лишь вечное «сейчас», неделимое, неизменное, всеобъемлющее. Сущий не подчинен хронологии, не скован причинностью, не ограничен последовательностью. Он – Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний одновременно, в единой точке вечного бытия.

В свете этой истины учение о предопределении обретает новое измерение. Предузнание и прославление – не два отдаленных друг от друга акта, разделенных хронологической пропастью, но единое действие Бога в Его вечном «сейчас». Когда Писание говорит: «Кого Он предузнал, тем и предопределил... а кого предопределил, тех и призвал... а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил» (Рим. 8:29—30), мы видим не временную последовательность, но вечную реальность, где все времена сливаются в единый миг Божественного замысла.

Вечность не есть бесконечно продолженное время. Она – иное измерение бытия, где нет ни прежде, ни после. В вечности все избранные уже прославлены, хотя во времени они еще странствуют к этой славе. В вечности все предузнанные уже оправданы, хотя во времени они еще ожидают решения последнего Суда. В вечности все призванные уже восседают на небесах, хотя во времени они еще бьются в земных сражениях.

Предопределение, таким образом, не просто доктрина о будущем спасении, но откровение о вечном положении избранных в совете Божьем. Оно вырывает верующего из тирании хронологии и помещает его в сферу вечного «сейчас». Вне времени определено его избрание, вне времени совершено его оправдание, вне времени утверждено его прославление. Разум, скованный временем, не может вместить эту истину во всей полноте, но вера, просвещенная Духом, прозревает за пеленой хронологии сияние вечного Божьего замысла.

В свете этого откровения преобразуется все человеческое существование. Временные испытания утрачивают свой абсолютный характер, погружаясь в океан вечной безопасности. Земные скорби лишаются своего жала, ибо вечная слава превосходит их несравненно. Даже смерть теряет свой ужас, становясь лишь дверью из хронологии в вечность, из последовательности в одновременность, из «будет» в «есть».

Учение о предопределении не просто теоретически описывает отношения времени и вечности – оно становится практическим мостом, соединяющим временное существование верующего с вечным «сейчас» Божественного бытия. Этот переход совершается не через мистические техники или сложные медитативные практики, но через простое и радикальное преобразование сознания верой.

Когда душа принимает истину предопределения, происходит удивительная метаморфоза: она начинает воспринимать свое положение не только с позиции времени, но и с позиции вечности. Подобно тому, как человек, поднявшийся на высокую гору, видит одновременно всю долину, которую путник внизу проходит шаг за шагом, так и верующий, просвещенный истиной предопределения, начинает созерцать весь путь спасения в едином взгляде веры.

В этом созерцании границы времени становятся проницаемыми. Христианин, утвержденный в истине предвечного избрания, может сказать вместе с апостолом: «И нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом... и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф. 2:5–6). Заметьте: не «воскресит» и «посадит», но «воскресил» и «посадил» – уже совершившийся акт в вечном Божьем замысле!

Это не просто грамматическая особенность, но откровение о глубочайшей реальности. В вечном «сейчас» Божественного бытия верующий уже восседает на небесах, уже облечен в славу, уже принят в вечные обители. Предопределение позволяет ему прикоснуться к этой реальности не как к отдаленному будущему, но как к настоящему, уже совершившемуся факту.

Такое прикосновение производит революцию в духовном опыте. Молитва перестает быть попыткой привлечь Бога в свое время и пространство – она становится вхождением в Его вечное «сейчас», где Он уже ждет, уже слушает, уже отвечает. Поклонение преобразуется из временного акта в вечное соучастие в той хвале, которая непрестанно возносится вокруг престола Агнца. Жизнь веры перестает быть изнурительным маршем к отдаленной цели и становится все более глубоким погружением в реальность, которая уже существует.

Это не отменяет временного измерения христианской жизни с его борьбой, страданиями, возрастанием. Но оно помещает этот временной путь в контекст вечного свершения. Душа, просвещенная истиной предопределения, подобна путнику, который не просто верит в существование родного дома, но имеет его фотографию и даже ключ от входной двери. Дом уже существует, место уже приготовлено, прием уже обеспечен – остается лишь преодолеть расстояние.

Такая перспектива сообщает неизъяснимый покой даже среди самых яростных бурь жизни. Ибо если в вечном «сейчас» Божьего замысла верующий уже прославлен, то никакие временные обстоятельства не могут отменить этой окончательной реальности. Они могут затмить ее, как облака затмевают солнце, но не могут уничтожить ее, как облака не могут погасить солнечного света.

Человеческое сознание разрывается между двумя безднами: позади – бездна невозвратного прошлого с его ошибками и утратами, впереди – бездна неизвестного будущего с его угро-

зами и неопределенностью. В этом мучительном распятии между «было» и «будет» исчезает «есть», истощается настоящее, иссыхает сама сущность жизни.

Прошлое хватается душу цепкими пальцами вины и сожаления. Каждый проступок, каждое падение, каждое отступление от Божьих заповедей становится тяжким камнем, который грешник влачит за собой через годы и десятилетия. Даже исповеданные грехи продолжают преследовать его, как призраки давно умерших врагов. Даже омытые кровью Агнца беззакония не перестают обличать его чувствительную совесть.

Будущее терзает душу острыми когтями тревоги и страха. Каждая возможная опасность, каждое предполагаемое искушение, каждая вероятная скорбь заранее разрывает сердце, как стая хищных птиц – тело беззащитной жертвы. Человек, не имеющий твердой опоры в вечности, трепещет перед призраками грядущего, истощая силы в борьбе с врагами, которые, возможно, никогда не покажутся на горизонте его земной судьбы.

Учение о предопределении разрушает эту двойную тиранию одним могучим ударом Божественной истины. Оно провозглашает, что в вечном Божьем замысле грехи прошлого не только прощены, но и забыты, брошены в пучину моря (Мих. 7:19), удалены так далеко, как восток от запада (Пс. 102:12). Более того – они не просто очищены, но покрыты высочайшей праведностью Христа, которая вменяется верующему как его собственная.

Одновременно это учение утверждает, что будущие опасности уже преодолены в вечном «сейчас» Божьего промысла. Все грядущие искушения, все возможные падения, все предстоящие скорби уже учтены в том предвечном избрании, которое неизменно ведет верующего к прославлению. Ничто не сможет похитить избранных из руки Отца, никакие обстоятельства не отлучат их от любви Божией во Христе Иисусе.

Освобожденный от этой двойной тирании, верующий обретает способность жить в настоящем с той полнотой, которая недостижима никаким иным путем. Он более не пленник прошлого, ибо во Христе он – новая тварь и древнее прошло (2 Кор. 5:17). Он не жертва будущего, ибо грядущее заключено в нерушимые рамки Божьего избрания и никакая случайность не может разрушить вечный замысел.

Здесь сокрыт парадокс: именно доктрина о Божьем предопределении, которую критики обвиняют в умалении человеческой свободы, дарует наивысшую свободу – свободу присутствовать в собственной жизни, обитать в настоящем, соприкоснуться с вечным «сейчас» Божественного бытия. Ибо нет большей неволи, чем вечно убегать от настоящего в несуществующие измерения прошлого и будущего; нет большего рабства, чем быть прикованным к тому, что уже минуло, и к тому, что еще не наступило.

Настоящее мгновение – единственная точка соприкосновения души с вечностью. В нем сокрыта полнота Божественного присутствия, недоступная ни в воспоминаниях о прошлом, ни в мечтаниях о будущем. Величайшая тайна духовной жизни раскрывается в прозрении: лучшее место и лучшее время всегда там, где душа пребывает сейчас.

Безумие падшего рассудка проявляется в вечном бегстве от настоящего. Оно либо тоскует о минувшем, либо тревожится о грядущем, но остается слепым к сокровищу, скрытому в текущем мгновении. Эта слепота не просто ошибка восприятия, но глубинный отказ от встречи с реальностью такой, какова она есть.

Учение о предопределении разрушает эту слепоту, открывая взору души абсолютную полноту настоящего мгновения, где пребывает Бог. Как луч света, проходя через призму, разделяется на спектр цветов, так единый Божественный замысел предстает в разделенных моментах времени. Но верующий, просвещенный истиной предвечного избрания, прозревает за множественностью явлений единство первоначального света.

То, что происходит сейчас, – не случайность, не ошибка Провидения, не досадное недоразумение на пути к лучшему будущему. В каждом эпизоде жизни, каким бы болезненным

или незначительным он ни казался, сокрыто семя вечности, ждущее признания и принятия. Не «где-то там», но именно здесь раскрывается подлинный смысл бытия.

Вечное «сейчас» – не момент на линии времени, но измерение бытия, в котором время раскрывается, как бутон раскрывается навстречу солнцу. В этом раскрытии тварное соединяется с нетварным, временное с вечным, ограниченное с безграничным. Не смешиваясь, но и не разделяясь. И именно предопределение становится ключом к этому измерению, ибо оно утверждает, что все моменты времени объаты единым вечным замыслом.

Душа, принявшая истину предопределения, обретает доступ к удивительному духовному опыту – к созерцанию каждого мгновения *sub specie aeternitatis*, под углом зрения вечности. В этом созерцании настоящий момент предстает не изолированной точкой на временной оси, но воплощением всего Божественного замысла, всей полноты спасительного плана. Каждая капля времени содержит в себе океан вечности.

Блаженство души – не в обретении чего-то вне себя, но в осознании того, что уже содержится внутри, подобно тому как сокровище, закопанное в поле, ждет не создания, но лишь обнаружения. И учение о предопределении указывает именно на это сокровище – уже присутствующее, уже дарованное, уже открытое во Христе.

Времени нет – есть только вечное сейчас. В этой простой истине сокрыта целая вселенная духовного понимания, перед которой меркнут все измышления человеческой мудрости. Мы пленники хронологии лишь потому, что отказываемся войти в реальность Божественного присутствия.

Во Христе и вечном сейчас рушатся все категории земного рассудка. Нет ничего, что нужно сделать, – ибо совершенное «совершилось» на Голгофе. Нет ничего, что нужно изменить, – ибо преображение уже осуществилось в воскресении Спасителя. Нет ничего, чего нужно избежать, – ибо все уловки врага разрушены сокрушающей силой Креста. Нет ничего, что нужно сохранить, – ибо все подлинное хранится не нашими усилиями, но десницей Всевышнего.

Мозг, привыкший решать, строить, планировать и защищаться, внезапно оказывается перед бездной непостижимого покоя. Как птица, выпущенная из клетки, не сразу понимает, что может лететь во все стороны, так и душа, освобожденная от тирании времени через открытие о предопределении, не сразу постигает свою свободу.

Созерцание заменяет суету. Пребывание вытесняет метание. Наслаждение Богом становится не удовольствием, но самой сутью существования. Покой разливается подобно утренней заре над холмами Иудеи. Безмятежность омывает раны издерганного заботами сердца. И все это – плод не мистических упражнений, но простого, детского доверия истине о предвечном избрании и вечном замысле Бога.

Мир Божий – не отсутствие конфликта, но присутствие Того, кто выше всех конфликтов. Он превосходит всякое разумение не потому, что противоречит разуму, но потому, что объемлет его, как океан объемлет каплю. Разум создан для познания этого мира, но не способен вместить его полностью, подобно тому как чаша не может вместить море.

Века сменяются, империи рушатся, звезды угасают – но вечное сейчас пребывает неизменным. И в этом сейчас душа, просвещенная светом предопределения, обретает то, что искала всегда, – полноту, для которой была создана прежде начала времен.

Преображение образа Бога в свете предопределения

Бог, созерцаемый через призму неуверенности, предстает в мучительной двойственности. В солнечные дни духовного благополучия Он – Отец, благосклонно взирающий на дитя Своё; в пасмурные часы падений – грозный Судия, неумолимо подсчитывающий беззакония.

Утром Он улыбается, вечером гневается, и нет постоянства в этом зыбком мираже, созданном воспаленным сознанием неутвержденной души.

Такой образ Божества подобен песчаному замку, которого касается каждая волна эмоционального прилива. Благочестивое усилие возводит стены этого замка, греховное падение размывает их основание. Духовная радость украшает башни золотом надежды, душевная подавленность покрывает их пеплом сомнения. Вся внутренняя жизнь становится нескончаемой борьбой за удержание ускользающего образа любящего Отца против наступления образа мстительного Судии.

Человек, живущий в этой раздвоенности, невольно переносит ее на Самого Бога. Непостоянство восприятия превращается в представление о непостоянстве Божественного расположения. Меняющееся состояние души преломляется в иллюзию меняющегося отношения Всевышнего. Мгновенный духовный опыт отождествляется с вечной реальностью. И вот уже не человек колеблется в своих чувствах к Богу, но Сам Бог представляется колеблющимся в Своих чувствах к человеку.

Духовная жизнь в таком состоянии превращается в изнурительную погоню за неуловимым. Сегодня душа на гребне волны благодати – и она устремляется ввысь, упоенная сладостным чувством Божьего благоволения. Завтра она в пучине искушения – и опускается на дно отчаяния, сраженная ужасом предполагаемого отвержения. Эти бесконечные колебания истощают силы, расшатывают веру, искажают образ Бога до неузнаваемости.

В таком восприятии нет места для подлинного покоя, для того мира, который превосходит всякое разумение. Ибо покой души не может утвердиться на зыбучем песке изменчивых чувств, но только на непоколебимой скале неизменной Божественной любви. Мир не может расцвести там, где образ Бога меняется с каждым дуновением душевного ветра.

Трагичность такого положения усугубляется тем, что эта нестабильность образа Бога становится самоподдерживающимся кругом мучений. Колеблющееся представление о Божественном отношении рождает страх, страх препятствует истинной любви, отсутствие любви мешает познанию Бога, а неполное познание вновь искажает представление о Нем. Душа, как щепка в водовороте, кружится в этом замкнутом цикле, не находя выхода, не видя берега.

В учении о предопределении открывается образ Бога, ошеломляющий своей красотой и нежностью. Не грозный Судия в чертогах неприступного света, не безжалостный Палач, жаждущий крови грешников, но страстный Жених, взывавший невесту прежде основания мира. Он не выжидает, готовый уловить нас в преступлении, но предвечно избирает, приуготовляет брачный чертог, изливает благоухание благодати.

Смотрите, какой переворот в сознании производит это откровение! Если Бог – Судия, то каждое мгновение жизни становится испытанием, каждое искушение – проверкой, каждое падение – обвинительным приговором. Но если Он – Жених, то жизнь превращается в путь к брачному пиру, искушения – в препятствия, отдаляющие встречу, а падения – в раны, требующие не казни, но исцеления.

Преображение образа начинается в самих глубинах души, где рабский страх уступает место сыновней любви. Раб трепещет от взгляда господина; сын летит в объятия отца; невеста же стремится к жениху всем существом, влекомая не долгом, но желанием. В этом таинственном переходе от рабства к невестничеству и раскрывается подлинная сила предопределения.

Писание изобилует этим образом – Бог как Жених, неустанно взывающий Свою невесту. «Как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой» (Ис. 62:5). «И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благости и милосердии» (Ос. 2:19). «Ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (2 Кор. 11:2). И наконец, великое завершение истории спасения: «И я, Иоанн, увидел святы́й город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:2).

Предопределение утверждает, что это отношение не случайное, не временное, не зависящее от превратностей времени, но предвечное, укорененное в самой сущности Бога. Жених избрал Невесту не за красоту, не за достоинство, не за верность, но единственно по Своей суверенной любви. И это избрание – не просто выбор, но творческий акт, в котором Он Сам создает в Невесте то, что желает в ней видеть.

«Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога» (1 Кор. 2:12). Какое слово! Дарованное, а не заслуженное; принятое, а не достигнутое; подаренное, а не купленное. Таково отношение Жениха к Невесте – не торговля, но дар; не контракт, но завет; не сделка, но жертва. И именно учение о предопределении раскрывает эту истину во всей ее славе, показывая, что инициатива исходит целиком от Него, что любовь предшествует послушанию, что избрание предваряет веру.

Душа, освобожденная от превратного образа Бога как Судии, готового при малейшем проступке лишиться благодати, входит в новое измерение отношений с Создателем. Здесь открывается та «совершенная любовь», которая «изгоняет страх» (1 Ин. 4:18). Здесь обретается тот покой, который превышает всякого разумения. Здесь расцветает та радость, которую никто не может отнять.

Божество эмоциональных качелей – порождение немощного человеческого разумения, горький плод неутвержденной веры. В этом искаженном зеркале вечный Бог представляется существом изменчивым, как море при переменчивом ветре. Сегодня Он благоволит, завтра гневается, послезавтра милует – и нет постоянства в Его расположении, нет твердости в Его намерениях. Такое божество подобно капризному монарху, чьи настроения могут изменить судьбу целого королевства между утренним пробуждением и вечерним сном.

Господь предопределения же восстает как неприступная скала среди бушующего моря времени – неизменный, непоколебимый, верный от века и до века. В Нем «нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1:17) – не потому, что Он бесчувствен, но потому, что совершенен. Не человеческие эмоции правят Им, но вечная любовь, запечатленная в предвечном избрании. Он не меняет Своего отношения к избранным при каждом их падении, ибо «всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать» (Рим. 11:32).

Непостоянство божества эмоциональных качелей отражается в душе верующего, как луна в потревоженном озере, дробится на тысячи осколков, разрывая сознание на противоречивые фрагменты. Такая душа не знает покоя: в полноте духовного чувства она возносится к небесам мнимой праведности, в оскудении же низвергается в бездну воображаемого отвержения. Она постоянно ищет знамений благоволения – в утешительных чувствах, в успешном служении, в избегании искушений, – но никогда не находит твердой опоры для уверенности.

Бог предопределения, напротив, дарует душе незыблемый фундамент – не в переменчивых чувствах или преходящих достижениях, но в вечном совете, в котором «избрал нас в Нем прежде создания мира» (Еф. 1:4). Этот камень не подвержен эрозии времени, не колеблется при бурях искушений, не рушится под тяжестью падений. Верующий утверждает не на волнах своего духовного состояния, но на гранитном основании Божественного избрания, совершенного, когда не существовало ни времени, ни пространства, ни самого творения.

Трагедия поклонения божеству эмоциональных качелей заключается в том, что оно лишает душу всякой возможности подлинной близости с Богом. Ибо как возможна близость с тем, чье расположение непредсказуемо? Как достижима любовь к тому, чье отношение нестабильно? Как познаваем тот, кто предстает в вечно меняющихся обликах? Такое почитание неизбежно вырождается либо в рабский страх, либо в формальный ритуализм, либо в безрассудное легкомыслие.

Поклонение же Богу предопределения открывает врата к глубочайшему единению. Душа, утвержденная в истине о неизменной любви Всевышнего, запечатленной в предвечном избрании, обретает дерзновение приближаться к престолу благодати не как случайный проситель, но

как возлюбленная дочь, чье имя начертано на ладони Отца. В этой непоколебимой уверенности рождается та любовь, которая «изгоняет страх» (1 Ин. 4:18), то доверие, которое не иссякает даже в пустыне искушений.

Божество эмоциональных качелей требует неустанных усилий по умилоствлению – бесконечных молитв, обрядов, добрых дел, духовных подвигов. Как жертвы, приносимые капризным языческим богам, эти усилия никогда не бывают достаточны, ибо нет гарантии, что они будут приняты, нет уверенности, что они достигнут цели. Такая духовность превращается в изнурительную гонку, где финишная лента вечно отодвигается на несколько шагов.

Бог предопределения же не требует умилоствления, ибо жертва уже принесена, цена уже уплачена, примирение уже совершено. «Будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его» (Рим. 5:10) – примирение, которое не зависит от наших чувств или дел, но утверждено в вечности силой Креста. Такое понимание освобождает от изнурительной гонки за недостижимым совершенством и открывает путь к служению от полноты уже обретенного спасения.

В конечном счете божество эмоциональных качелей – это идол, сотворенный человеческими страхами и надеждами, проекция неустойчивого земного разума на небесный экран. Бог же предопределения – это живой Господь Священного Писания, Который «от начала возвещает, что будет в конце» (Ис. 46:10), Чьи определения неизменны, Чьи обетования нерушимы, Чья любовь непреложна. И именно в познании этого Бога обретается тот мир, который «превыше всякого ума» (Фил. 4:7), та радость, которую «никто не отнимет» (Ин. 16:22), та любовь, которая «никогда не перестает» (1 Кор. 13:8).

В безмолвных глубинах вечности, где сходятся воедино все Божьи атрибуты, строгость и милость предстают не как противоборствующие силы, но как две стороны единой величественной монеты. Здесь правосудие не противится милосердию, но совершается через него; здесь милость не отменяет закон, но исполняет его. В этом непостижимом единстве раскрывается полнота Божественной природы – не разорванной на противоречивые фрагменты, но совершенной в гармоничной целостности.

Предопределение позволяет узреть эту целостность во всей ее славе. Оно срывает пелену с очей веры и открывает мир, где обличающий грех и прощающий его Бог – не два разных божества, но один Святой, Чья святость требует возмездия и Сама же становится этим возмездием. В Голгофской драме милость и правда встречаются, правосудие и мир целуются, как воспеваает псалмопевец. И эта встреча – не случайность истории, но венец предвечного замысла.

Падший разум стремится разделить то, что Бог соединил. Он рисует Отца как сурового Судию, Сына – как милосердного Заступника, словно в Троице происходит некий божественный конфликт, словно Спаситель защищает нас от гнева Отца, а не является воплощением Его любви. Но предопределение разрушает эту ложную дихотомию. Оно показывает, что Сам Отец «так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного», что искупление – дело не только Сына, но всей Троицы, что крест – не компромисс между противоборствующими атрибутами, но их совершенное воплощение.

Тайна предопределения заключена в том, что Бог не просто знал о Голгофе прежде творения мира, но определил ее как средоточие всех времен и эпох. Вся история творения устремляется к этой центральной точке, где строгость и милость, правосудие и благодать, святость и любовь пребывают в нерасторжимом единстве. И только в свете этой тайны душа начинает постигать целостность Божественного образа.

Грозные слова пророков и благодатные обетования евангелистов ткнут единое полотно откровения, где нет ни единой сшивки, ни единого разрыва. Бог, истребивший Содом огнем и серой, и Бог, приглашающий грешников на брачный пир, не две противоречивые сущности, но одно Существо, в природе Которого святость и любовь нераздельны, как свет и тепло в солнечном луче. И именно учение о предопределении позволяет удержать этот парадокс, не

впадая ни в крайность представления о жестоком деспоте, ни в иллюзию о добродушном старике, закрывающем глаза на грех.

В трепете перед этой тайной душа обретает ту полноту познания, которая невозможна при любой иной перспективе. Она уже не колеблется от страха к самонадеянности, от отчаяния к легкомыслию, но пребывает в благоговейном созерцании Бога таким, каков Он есть, – Святым в Своей любви и Любящим в Своей святости, Судией, Который Сам берет на Себя Свой приговор, Искупителем, Который искал нас прежде, чем мы начали искать Его.

Освобождение от страха как суть новой жизни во Христе

Страх – первородное чувство падшего естества, первый плод вкушения запретного плода. Не скорбь, не стыд, не гнев, но именно страх стал первым движением души, отпавшей от Бога. «И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога» (Быт. 3:8). То, что прежде было источником блаженства, – присутствие Создателя – превратилось в причину ужаса. Так в самом основании ветхого человека был заложен этот извращенный корень – боязнь Того, Кто есть Сама Любовь.

Страх пронизывает все существо ветхого человека, подобно тому как соль пронизывает морскую воду. Он становится не просто одним из многих переживаний, но фундаментальным способом бытия в мире. Каждая мысль, каждое решение, каждое действие совершается под его невидимым, но неумолимым давлением. Человек строит Вавилонские башни, возводит стены Иерихона, кует мечи и щиты – все в тщетной попытке защитить себя от древнего ужаса богооставленности, от перворанения отпадения.

Трагедия ветхого человека в том, что, бегущий от Бога в страхе осуждения, он неизбежно приходит к тому, от чего бежит. Стремясь избежать наказания, он создает свои системы самооправдания, которые приводят лишь к большему рабству. Желая спастись от смерти, он строит цивилизации, умножающие смерть. Пытаясь найти безопасность, он творит оружие, повергающее мир в хаос. Так страх становится самоисполняющимся пророчеством, замыкая человека в порочном круге саморазрушения.

«Бесы веруют и трепещут» (Иак. 2:19) – это поразительное свидетельство о природе демонической веры. Она не преображает, не освобождает, не приводит к любви, но только усиливает трепет. Ибо вера без уверенности предопределения есть лишь интеллектуальное признание факта существования Бога, которое не меняет фундаментального отчуждения между творением и Творцом. Она знает о Боге, но не знает Его; признает Его силу, но не принимает Его любви.

В этом же состоянии демонической «веры» пребывает и ветхий человек, полагающий, что его спасение зависит от его собственных деяний, от колеблющегося маятника его духовных успехов и неудач. Он подобен Каину, приносящему дары в страхе, а не в любви, стремящемуся заслужить то, что может быть только даровано, пытающемуся купить то, что предлагается даром. И чем усерднее его труды, тем глубже разверзается пропасть отчаяния, когда он в очередной раз обнаруживает собственное несовершенство.

Страх осуждения порождает либо отчаяние, либо фарисейство – два лика одной и той же сущности ветхого человека. Отчаяние говорит: «Я никогда не смогу достичь праведности» – и опускает руки. Фарисейство утверждает: «Я уже достиг праведности» – и останавливается на достигнутом. Но и то и другое – лишь различные симптомы одной и той же болезни: неспособности принять благодать как незаслуженный дар, как изливание любви, предшествующей всякому человеческому деянию.

Апостольское слово «бесы веруют и трепещут» проливает поразительный свет на состояние души, лишенной якоря предопределения. Вера демонов не есть ложь или заблуждение – она абсолютно точна в своем познании. Они не сомневаются в существовании Бога, не оспа-

ривают Его всемогущества, не отрицают Его святости. И все же эта вера не приносит им ни спасения, ни радости, ни мира, но только бесконечный трепет.

Так и христианин, не утвержденный в своем предвечном избрании, обнаруживает себя в странном и мучительном положении: он признает Евангелие истинным, исповедует Христа Господом, участвует в таинствах, подвизается в молитве – и все же трепещет перед лицом Того, Кого называет Отцом. Его вера, лишенная уверенности, превращается в демоническую карикатуру – она знает о Боге, но не знает Его в той интимности, которая изгоняет страх.

Демоны веруют в изгнание, но не в усыновление; в осуждение, но не в оправдание; в свою погибель, но не в свое спасение. Неутвержденный христианин парадоксальным образом разделяет их ущербную эсхатологию: исповедуя устами полное прощение во Христе, он в глубине сердца продолжает ожидать окончательного отвержения. Внешне поклоняясь Богу благодати, внутренне он служит богу возмездия. Этот трагический раскол сознания превращает весь его религиозный опыт в мучительное притворство.

Без откровения о предопределении верующий неизбежно скатывается к этому противостественному состоянию, где форма евангельской веры наполняется демоническим содержанием трепета. Ибо если спасение может быть потеряно, если благодать может иссякнуть, если Божья любовь может отворотиться – то какая принципиальная разница между положением христианина и положением демона? Оба висят над бездной, один – еще не упавший, другой – уже низверженный; один – временно помилованный, другой – навеки осужденный; но для обоих последнее слово принадлежит не любви, а гневу.

Какое извращение благой вести! Какое затемнение сияния славы Божией в лице Иисуса Христа! Вместо Евангелия как провозглашения уже совершенного спасения, вместо радостной уверенности неутвержденный христианин принимает евангелие условности, евангелие «может быть», евангелие, которое не устраняет демонический трепет, а лишь отсрочивает его.

Этот ужас перед последним судом, это ожидание, что Бог может в конечном итоге отвергнуть тех, кого призвал, это недоверие к непоколебимости Божьих обетований – все это признаки не смирения, а неверия; не благочестия, а маловерия; не почтения, а непонимания самой сути Евангелия. Истинное благочестие не в страхе отвержения, но в благоговейном изумлении перед непостижимой любовью, избравшей нас прежде создания мира.

Дух усыновления против духа рабства

Два духа, две реальности, два царства сталкиваются в глубинах человеческого сердца. Дух рабства, вечно припадающий к земле, и дух усыновления, возводящий взор к небесам. Один сковывает цепями страха, другой расправляет крылья свободы. Один нашептывает: «Бойся Господина», другой восклицает: «Авва, Отче!»

Предопределение разрушает этот дух рабства, как восходящее солнце разгоняет ночные кошмары. Оно провозглашает, что еще до основания мира, прежде всякого человеческого падения, прежде первого вдоха первого младенца, Бог определил верующих к усыновлению. Не к временному помилованию, не к условному принятию, не к испытательному сроку – но к полноте прав и привилегий сынов и дочерей в вечном доме Отца.

«Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: Авва, Отче!» (Рим. 8:15). Это восклицание апостола разрывает оковы вековых страхов и предрассудков. «Авва» – слово бесконечной интимности, которое ребенок произносит прежде всякой богословской премудрости. Так не обращаются к деспоту, трепеща за свою судьбу; так не взывают к безразличному судье, ожидая приговора. Так принимают к Отцу, в чьей любви не сомневаются даже в самый темный час.

Рабство и усыновление различаются в самом корне мотивации. Раб повинует из страха наказания или в надежде на награду. Сын же послушен из любви и благодарности, зная, что его

положение не зависит от его успехов или неудач. Поэтому парадоксальным образом именно безусловное избрание, предшествующее всякой человеческой заслуге, становится источником подлинного послушания – не вынужденного, но свободного, не торгующегося, но благодарного.

В этом свете меняется вся парадигма духовной жизни. Уже не тщетные попытки заработать благоволение, но благодарное принятие уже дарованной благодати. Не изматывающий бег к неопределенной цели, но радостное раскрытие того, что уже заложено в предвечном избрании. Не судорожное цепляние за шаткую веревку спасения, но покой на нерушимой скале Божественного определения.

Как семя, заключенное в твердую оболочку, не может пробиться к свету, пока не будет разрушена сдерживающая скорлупа, так и дух усыновления не может воссиять в полноте, пока не разрушатся стены рабского страха. Предопределение становится тем священным молотом, который разбивает эти стены, освобождая душу для подлинного переживания сыновства.

В сердцевине предвечного избрания сокрыта тайна, преображающая все основания духовного бытия. Не человек избирает Бога, но Бог избирает человека; не творение ищет Творца, но Творец взыскует творение. Это радикальное переворачивание естественной логики разрушает самый корень рабского духа. Ибо раб вечно озабочен своими действиями, своим соответствием ожиданиям господина, своими успехами и неудачами. Сын же покоится в неизменной любви Отца, предшествующей всякому человеческому деянию.

«Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии» (Рим. 8:16). Заметьте: не наши дела, не наши чувства, не наши достижения, но Сам Дух. И это свидетельство проистекает не из зыбкой человеческой верности, но из твердого камня Божественного избрания. Предопределение утверждает объективную реальность усыновления, которая не зависит от субъективных переживаний. Подобно тому как сын остается сыном даже в моменты непослушания или отчуждения, так и верующий сохраняет свое положение дитя Божьего даже в периоды духовной сухости и падений.

Как горное эхо повторяет звук трубы, так и сердце верующего отвечает на Божественное избрание восклицанием: «Авва, Отче!» Этот возглас не выбирается сознательно, не произносится с расчетом, не формулируется богословской рефлексией. Он вырывается из глубин преображенного духа, как пар поднимается от нагретой воды. Предопределение разжигает тот священный огонь, который превращает холодные воды рационального признания Бога в пар живого, непосредственного переживания сыновства.

Парадоксально, но именно учение о суверенном избрании, которое критики называют холодным и безличным, рождает самые теплые и личные отношения с Богом. Ибо что может быть более личным, чем быть избранным по имени прежде создания мира? Что может быть более интимным, чем быть записанным в книгу жизни Агнца до полагания основания вселенной? Что может быть более обнадеживающим, чем знать, что финал истории спасения утвержден в вечности и не подвержен превратностям временных обстоятельств?

В тени Голгофского креста дух усыновления достигает своей полноты. Здесь Сын по природе умирает, чтобы сыны по благодати могли жить. Здесь вечное избрание обретает свое историческое воплощение, свою плоть и кровь. Предопределение и крест – не два разных учения, но один неразделимый акт Божественной любви. В избрании Бог намечает цель, на кресте Он прокладывает путь, в усыновлении Он приводит избранных к славной участи сынов и дочерей вечного Царя.

Дух усыновления, высвобожденный через откровение о предопределении, преображает всю духовную жизнь. Молитва из тяжелой обязанности превращается в радостную встречу с Отцом. Послушание из средства заслужить благоволение становится благодарным ответом на уже дарованную любовь. Служение из способа доказать свою верность преображается в выражение сыновней признательности. И даже скорби, даже падения, даже временные отступле-

ния – все обретает новое значение в свете непреложного усыновления. Ибо «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28).

Предопределение и парадоксальное раскрытие свободы

Извечный вопрос встает перед разумом, дерзающим проникнуть в тайны Божественного замысла: как согласуются предопределение и человеческая свобода? Кажется, что эти два понятия сталкиваются в непримиримом противоборстве, как два могучих потока, встречающихся в бурлящем водовороте. Суверенное избрание Творца и свободный выбор творения – разве могут они сосуществовать не поглощая друг друга?

Человеческий разум, скованный цепями времени и ограниченный пределами пространства, требует выбора между двумя крайностями. Либо Бог всевластно определяет все события, и тогда человек становится безвольной марионеткой в космической драме, где каждое его движение предначертано извне. Либо человек обладает подлинной свободой, и тогда Божественное всемогущество отступает перед автономией твари, словно океан перед песчаным берегом. Третьего не дано – так провозглашает падший разум.

В этом противопоставлении – ложная дилемма, порожденная не Божественным откровением, но человеческим непониманием. Писание не знает такого антагонизма, не ставит перед выбором между Божьей суверенностью и человеческой ответственностью. Оно с удивительной простотой соединяет эти истины, не видя в их сосуществовании никакого противоречия. В библейском повествовании грех Иосифовых братьев и Божественный промысл о спасении Израиля не исключают, но дополняют друг друга. Отвержение Христа иудейскими властями и предвечный план искупления не противоречат, но вместе образуют единую ткань истории спасения.

Откровение о предопределении не устраняет человеческой свободы, но помещает ее в иной контекст, освобождает от искажений падшего мышления. Подобно тому как великий композитор не уничтожает индивидуальности инструментов, но вписывает их в гармонию симфонии, так и Божественное избрание не отменяет уникальности человеческой личности, но включает ее в величественный замысел вселенского искупления.

Кажущееся противоречие между предопределением и свободой возникает из ограниченности человеческого восприятия. Как глаз не может одновременно зафиксировать все точки на окружности, но должен перемещаться от одной к другой, так и разум не способен охватить одним взглядом полноту Божественной истины. Он видит то предопределение, то свободу, но не может созерцать их в том совершенном единстве, в котором они пребывают в небесных сферах.

Подлинная свобода расцветает не в бесплодных песках человеческой автономии, но в плодородной долине Божественного избрания. Она обретается не в иллюзорной независимости от высшей воли, но в радостном согласии с ней. Как река, нашедшая свое русло, обретает силу и стремительность, так и человеческая свобода достигает своей полноты, когда входит в предначертанный ей путь.

Вечность предшествует времени не только хронологически, но и онтологически. В безмолвных глубинах предвечного совета уже начертан тот узор, который лишь постепенно проявляется на полотне истории. Человеческая свобода не творит этот узор, но воплощает его, не изобретает, но обнаруживает, не созидает из ничего, но выявляет уже существующее в Божественном замысле.

Пагубное заблуждение падшего разума – видеть в свободе способность противостоять предвечному избранию, словно тварь может что-то добавить к совершенству Творца или что-то отнять от полноты Его определений. Подлинная свобода не в противлении, но в совпаде-

нии; не в противостоянии, но в согласовании; не в отрицании, но в утверждении того, что уже запечатлено в Книге Жизни Агнца.

В верховьях священной реки откровения, где Божественные тайны еще не разделены человеческими категориями, предопределение и свобода предстают как единая истина. Там нет двух потоков, но один, берущий начало в непостижимой глубине Троицы и изливающийся в историю двумя руслами, которые человеческий разум воспринимает как отдельные реки. Но в истоке они едины, как едины воля Отца и послушание Сына в предвечном замысле искупления.

Предопределение не уничтожает свободу, но преображает ее – из бесцельного блуждания в осмысленное движение, из хаотичного метания в целенаправленное восхождение. Оно освобождает от тирании случайности, от рабства неопределенности, от ужаса перед бездной бесконечных возможностей. Человек, просвещенный светом предвечного избрания, не мечется в поисках себя, но находит себя в Том, Кто избрал его прежде создания мира.

Освобождение от бремени «самоспасения»

Самоспасение – иллюзия, столь же древняя, как Вавилонская башня, и столь же тщетная, как попытка зачерпнуть море решетом. Это тяжелое бремя, возложенное человеком на собственные плечи после изгнания из Эдема, неподъемный груз, изнуряющий душу на бесконечных дорогах религиозного самосовершенствования. От языческих жертвоприношений до изощренных практик современной духовности – везде виден все тот же трагический жест: простертые к небу руки, пытающиеся достичь того, что может быть только даровано свыше.

Предопределение разрывает этот замкнутый круг тщетных усилий одним могучим движением благодати. Оно провозглашает радикальную истину: спасение не достигается, но принимается; не зарабатывается, но даруется; не создается человеческими усилиями, но открывается в предвечном Божьем замысле. Как утренняя заря не производится усилием воли бодрствующего, но просто встречается им в положенный час, так и спасение не создается подвигами ищущего, но обретается им как уже совершенная реальность.

Какое освобождение приносит это откровение! Лестница добрых дел, по которой душа тщетно пыталась взобраться на небеса, оказывается ненужной, ибо Сам Бог уже спустился к нам и пребывает с нами. Весы моральных достижений, на которых человек взвешивал свои шансы на спасение, оказываются бесполезными, ибо приговор оправдания уже вынесен в вечности и утвержден на Голгофе. Томительное ожидание окончательного приговора прекращается, ибо «нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе» (Рим. 8:1).

Бремя самоспасения проявляется в тысяче облиций, но его корень один: неверие в полноту и достаточность Божьего дара. Правовойерный иудей, тщательно соблюдающий закон; аскет, изнуряющий плоть постами и бдениями; филантроп, умножающий добрые дела; мистик, погруженный в созерцание, – все они, при всем внешнем различии, могут разделять одно и то же фундаментальное заблуждение: веру в то, что спасение достигается, а не принимается как дар.

Учение о предопределении разрушает эту иллюзию, как луч света рассеивает тьму. Оно показывает, что источник спасения не в человеческом выборе, но в Божественном избрании; не в моральном совершенстве, но в незаслуженной милости; не в религиозных усилиях, но в предвечной любви Того, Кто «избрал нас в Нем прежде создания мира» (Еф. 1:4). В свете этого откровения бремя самоспасения спадает с плеч, как тяжкая ноша, оставленная у подножия креста.

Душа, утвержденная в истине предопределения, обретает невиданную свободу. Она освобождается от судорожного цепляния за собственные заслуги, от мучительного сравнения себя с другими, от изнурительного бега за ускользающим идеалом совершенства. Она входит в тот «покой, который остается народу Божьему» (Евр. 4:9) – не в бездействии, но в иное качество

деятельности, проистекающей не из страха осуждения, но из благодарности за уже дарованное спасение.

В самой сердцевине человеческой трагедии лежит не столько грех, сколько неустанное стремление стать кем-то иным – более достойным, более праведным, более совершенным. Это гонка за призраками, погоня за горизонтом, который бесконечно отодвигается с каждым шагом приближения. Из скорлупы такого «становления» никогда не вылупится подлинное бытие, как из семени чертополоха не произрастет виноградная лоза.

Предопределение переворачивает саму парадигму духовного существования. Оно раскрывает удивительную истину: избранный уже есть избранный, даже если он еще не осознал своего избрания; оправданный уже оправдан, даже если еще борется с грехом; прославленный уже прославлен в вечном совете Троицы, даже если еще странствует в долине смертной тени. В этом откровении коренится подлинная свобода – не свобода стать кем-то иным через бесконечные усилия, но свобода быть тем, кем уже сделала нас суверенная благодать.

Духовная жизнь, не просвещенная светом предопределения, превращается в изнурительное восхождение, где каждый шаг приближает не к вершине, а лишь к следующему склону. Никакие достижения не приносят покоя, никакие подвиги не дают уверенности, никакие добродетели не гарантируют принятия. Подобно путнику в пустыне, преследующему мираж оазиса, душа вечно стремится к призрачной цели, которая всегда впереди, но никогда не достигается.

В предвечном избрании раскрывается иная реальность. Здесь не человек становится достойным Бога, но Бог делает его достойным; не творение достигает Творца, но Творец нисходит к творению; не временное восходит к вечному, но вечное вторгается во временное. Душа, озаренная этим светом, обретает свободу быть – не в смысле пребывания в неизменности, но в смысле раскрытия того, что уже заложено в Божественном замысле.

Заметьте, как меняется само направление духовного движения. Не от земли к небу, но от неба к земле; не от человека к Богу, но от Бога к человеку; не от временного к вечному, но от вечного к временному. Этот перевернутый вектор и есть Евангелие – благая весть о том, что инициатива исходит от Бога, что поиск начат не нами, но Им, что завершение предшествует началу в предвечном совете Троицы.

Свобода быть освобождает от фарисейства и отчаяния – двух ликов одной медали. Фарисейство говорит: «Я уже стал тем, кем должен быть» – и останавливается в самодовольстве. Отчаяние стелет: «Я никогда не стану тем, кем должен быть» – и опускает руки в унынии. Предопределение же провозглашает: «Ты уже есть тот, кем Бог предназначил тебе быть», и в этом парадоксе обретается подлинная свобода – не в самообольщении и не в самоуничижении, но в благодарном принятии дара, превосходящего всякое разумение.

Мистический опыт как плод, а не корень уверенности

Объективная реальность предвечного избрания предшествует всякому субъективному переживанию благодати, как основание храма предшествует его величественным сводам. Не в переменчивых эмоциях, не в мистических озарениях, не в духовных утешениях, но в нерушимом Божьем совете, определенном «прежде создания мира» (Еф. 1:4), обретает душа твердую опору для уверенности в спасении. Этот незыблемый фундамент полагается не в трясине человеческого опыта, но на скале Божественного определения.

Востоочнохристианская мистика, при всей глубине и богатстве своего духовного опыта, нередко впадает в опасное заблуждение, утверждая необходимость особого «извещения» – субъективного внутреннего откровения, даруемого Богом избранным душам как знак их спасения. Вне этого таинственного «извещения», согласно данной традиции, никто не может иметь

подлинной уверенности в своем избрании. Это превратное понимание настолько глубоко укоренилось в восточном благочестии, что проникло в широкие круги церковной жизни.

Подобное заблуждение нашло отражение и в западном христианстве – в постановлениях Тридентского собора, где католическая церковь осудила как ересь саму возможность непоколебимой уверенности в спасении без особого откровения свыше. Так два различных течения христианской традиции, несмотря на все их исторические и догматические различия, сошлись в одном опасном заблуждении – отрицании возможности твердой уверенности в спасении на основании объективной истины Евангелия.

Какое извращение евангельской простоты! Какое отрицание ясного свидетельства Писания, провозглашающего: «Сие написал я вам, верующим во имя Сына Божия, дабы вы знали, что вы имеете жизнь вечную» (1 Ин. 5:13)! Не «дабы вы надеялись», не «дабы вы ожидали особого извещения», но «дабы вы знали»! Учение об «извещении» превращает духовный путь в мучительное ожидание субъективного опыта, без которого душа обречена на вечное сомнение и неуверенность.

Роковое заблуждение многих искателей духовного пути заключается в обратном порядке ценностей: они стремятся извлечь уверенность в спасении из своих субъективных переживаний, построить храм веры начиная со сводов, а не с фундамента. Как буря безжалостно размывает такое строение, так и первый шторм искушений, первый натиск сомнений обращает в прах всякую уверенность, основанную лишь на мистическом переживании. Не потому прочен дом, что в нем горит свет, но свет горит и не гаснет, потому что дом прочен.

Вера, возведенная на зыбком основании субъективных переживаний, подобна дому, построенному на песке, – первый же ливень сомнений, первый ураган искушений обнажает всю ее хрупкость. Подлинная опасность такого подхода заключается не только в нестабильности мистического опыта, но и в его подверженности искажениям, самообману, даже бесовским наваждениям. Как отличить истинное «извещение» от ложного? Как распознать подлинный голос Духа среди многочисленных голосов собственного сердца? Эти вопросы остаются без ответа там, где субъективный опыт возводится в абсолют.

Писание указывает на иной путь. Оно утверждает объективное основание уверенности – не в переменчивых чувствах, но в вечных Божьих обетованиях; не в мимолетных переживаниях, но в неизменном слове Евангелия; не в мистических состояниях, но в исторических фактах жизни, смерти и воскресения Христа. «Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим. 8:31–32). Вот основание уверенности, не зависящее от субъективных «извещений»!

Поразительно, что те, кто настаивает на необходимости особого мистического опыта для уверенности в спасении, фактически обесценивают самое главное Божье «извещение» – Крест и пустой гроб. Слово этого величайшего проявления Божьей любви недостаточно, словно историческая реальность искупления менее достоверна, чем субъективное внутреннее переживание! Какое непостижимое умаление Голгофы, какое прискорбное превознесение человеческого опыта над Божественным свершением!

Предопределение разрушает эту тиранию субъективизма одним могучим ударом истины. Оно показывает, что основание уверенности предшествует опыту – как хронологически, так и логически. Это основание заложено не в человеческих мистических достижениях, но в вечном совете Троицы, в предвечном избрании, в нерушимом определении Того, Кто «не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтобы Ему изменяться» (Числ. 23:19).

Мистический опыт обретает свое подлинное место – не как источник уверенности, но как ее плод; не как основание веры, но как ее выражение; не как критерий избрания, но как его следствие. Утвержденная на скале предвечного избрания, душа освобождается для подлинного мистического опыта – не нервного, судорожного искания «извещений», но спокойного, глубо-

кого созерцания славы Божией в лице Иисуса Христа. Не тревожное «Получу ли я знак?», но благодарное «Ты уже дал мне все во Христе!» становится движущей силой духовной жизни.

В этом свете мистические переживания не теряют своей ценности, но обретают правильную перспективу. Они – не источник света, но отражение его; не корень дерева, но его плод; не основание дома, но его украшение. Они важны не как критерий избрания, но как выражение уже данной благодати, не как доказательство спасения, но как его проявление в жизни верующего.

Когда вечное избрание озаряет душу своим немеркнущим светом, все измерения мистического опыта обретают новую глубину. Предопределение создает не только интеллектуальную уверенность, но и таинственное пространство, где созерцание Божественных совершенств достигает невиданной ясности. Подобно тому как горная вершина, освобожденная от туманов, открывает взору всю панораму окрестностей, так и душа, укорененная в предвечном избрании, обретает способность видеть дальше и глубже.

Мистический опыт, лишенный основания в предопределении, уподобляется растению без корня – броскому, но недолговечному. Он вспыхивает мгновенными озарениями, но не имеет постоянства; поражает временными экстазами, но не преобразует глубинные основы личности. Иное дело – мистика, произрастающая из твердой уверенности в предвечном избрании. Она не стремится к экстраординарным состояниям, но находит Божественное присутствие в самой обыденности существования.

Предопределение не уничтожает мистическое переживание, но перемещает его из категории «цели» в категорию «следствия». Оно освобождает душу от судорожных попыток достичь особых состояний и открывает ей путь к более глубокому созерцанию – созерцанию не для извлечения уверенности, но от полноты уже обретенной уверенности. Моисей видел Бога не для того, чтобы убедиться в своем избрании, но потому, что уже был избран.

Возвышенные богозрения, таинственные внутренние озарения, экстатические состояния – все эти дары не умаляются пониманием предопределения, но обретают свое подлинное место в духовной экономии. Они становятся не средствами достижения спасения, но выражениями все более глубокого осознания уже дарованного спасения. Не знаками принятия, но расцветающими цветами уже укорененной в вечности жизни.

Обратите внимание на древних пророков, на апостолов, на великих святых Церкви – их мистический опыт проистекал не из тревожных поисков подтверждения своего избрания, но из спокойной уверенности в своем призвании. Не стремление к «извещению», но осознание уже произнесенного Божьего «да» двигало их в глубины созерцания. Не жажда опытно познать то, что еще не открыто, но жажда все полнее постичь уже дарованное во Христе.

Предопределение, правильно понятое, создает в душе священное пространство покоя, где мистический опыт приобретает совершенно иное качество. Это уже не лихорадочный поиск особых состояний, не добывание духовных жемчужин для самоутверждения, не накопление религиозных переживаний как доказательств избранности. Это свободное, благоговейное созерцание тех глубин, которые открываются взору именно потому, что душа освобождена от забот о своей судьбе.

Так предопределение становится не препятствием, но фундаментом подлинного мистического опыта. Не отрицанием чувственного восприятия Божественного, но его очищением от примесей своеволия и самоцентричности. Не умалением тайны, но более глубоким погружением в нее – уже не с целью убедиться в своем спасении, но с целью все полнее постичь неисследимые богатства Христовы.

Преобразование повседневности через призму предопределения

В тканях повседневности, в прозаических узорах будничного существования сокрыта величественная драма Божественного замысла. За видимой случайностью обстоятельств, за непредсказуемой сменой событий, за болезненными переплетениями человеческих судеб стоит предвечный совет Троицы, в котором нет места произволу случая или тирании хаоса. Нить каждой судьбы вплетена в величественный гобелен предопределения – не как незначительная деталь, но как необходимый элемент целостной картины.

Предопределение преображает саму ткань повседневности. Утренний восход, трудности рабочего дня, встречи и разлуки, болезни и исцеления – все эти разрозненные нити соединяются в единое полотно замысла, начертанного в вечности. Ничто в жизни избранных не является случайным, ничто не остается бессмысленным. Даже малейшее дуновение ветра, даже падение листа с дерева включено в величественную симфонию Провидения.

Падший разум видит в обстоятельствах жизни лишь хаотическое столкновение слепых сил – удача и неудача, случайная встреча и неожиданная утрата. Но просвещенное верой сознание прозревает за этим видимым хаосом безмолвное действие Того, Кто все направляет к предначертанной цели. Подобно тому как за кажущимся беспорядком звездного неба скрывается строгий космический порядок, так и за видимой случайностью земных происшествий стоит неизменный порядок Божественного предопределения.

Принятие обстоятельств как части вечного замысла не есть пассивный фатализм, отрицающий человеческую ответственность. Напротив, это высшая форма активности духа, способного видеть в переплетении временных событий отблеск вечных определений. Не безвольное смирение перед неумолимым роком, но сознательное согласование своей воли с предвечным советом Троицы – вот подлинное принятие, к которому ведет откровение о предопределении.

Как меняется в этом свете отношение к жизненным трудностям! Скорбь перестает быть бессмысленным страданием, случайной неприятностью на пути к счастью. Она раскрывается как необходимое звено в цепи спасения, как высеченная любящей рукой Отца ступень лестницы, ведущей в Его царство. «Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28) – не только радости, но и печали; не только победы, но и поражения; не только здоровье, но и болезни.

Золотая цепь спасения, сверкающая в вечности яснее солнечного света, пронизывает всю земную историю. От предвечного избрания до финального прославления тянется этот нерасторжимый ряд звеньев, соединенных не слабыми человеческими усилиями, но могучей десницей Всевышнего. Предопределение и призвание, оправдание и освящение, сохранение и прославление – каждое звено неразрывно связано с предыдущим и последующим, образуя совершенную целостность Божественного замысла.

В этом величественном порядке и страдания, и радости обретают свое истинное место. Не как противоборствующие силы, не как случайные гости на пиру жизни, но как необходимые инструменты в руках Великого Мастера, ваяющего образ Христов в избранных. Скорбь и веселие, мрак и свет, теснина и простор – все эти противоположности служат одной цели, подобно тому как свет и тень на полотне великого художника вместе создают совершенное изображение.

Страдание, воспринимаемое через призму предопределения, перестает быть безжалостным тираном, бессмысленно терзающим душу. Оно преображается в возделывающий плуг, вспарывающий тяжелую почву сердца для принятия семени вечности; в очистительный огонь, отделяющий золото веры от примесей самонадеянности; в ту тесную дверь, через которую душа входит в простор Божественных обетований. Не шаг в сторону от пути спасения, но само средство спасения, не отклонение от золотой цепи, но одно из ее звеньев.

Даже радость бывает ложно понята без света предопределения. Она воспринимается либо как случайная удача в лотерее бытия, либо как заслуженная награда за человеческие усилия. Но в контексте предвечного избрания радость предстает как предвосхищение той окон-

чательной славы, к которой неизменно ведет Божественный замысел; как проблеск вечного света, прорывающегося сквозь тучи временности; как тень тех блаженств, которые уготованы избранным от создания мира.

Поразительно, но в этой перспективе и страдание, и радость служат единой цели—уподоблению Христу. Как писал апостол: «Сих предопределил быть подобными образу Сына Своего» (Рим. 8:29). В этом процессе необходимы и тьма Гефсимании, и свет Преображения; и тернии Голгофы, и слава Воскресения. Ибо Христос, образ Которого запечатлевается в избранных, есть одновременно и Муж скорбей, и Податель радости, и Агнец закланный, и Лев от колена Иудина.

Таинственное сочетание страдания и радости в едином замысле спасения наиболее ярко проявляется на Голгофе – том центральном пункте истории, где сошлись воедино все линии Божественного предопределения. Здесь величайшая скорбь и величайшая радость встречаются в одном событии, как два потока в едином водовороте. Бесконечная боль отверженности – «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46) – и бесконечное торжество совершения – «совершилось!» (Ин. 19:30). Крайний предел страдания и высшая точка спасительной радости соединяются в одно неразделимое целое.

Так открывается непостижимая мудрость предопределения, включившего в свою золотую цепь и звенья скорби, и звенья радости. Каждое из них необходимо, каждое незаменимо в своем месте и в свое время. И душа, просвещенная светом этой истины, перестает бунтовать против страдания и превозноситься в радости. Она принимает и то и другое как из руки Отца, Который все направляет к единой цели – полноте спасения, предначертанного в вечности и осуществляемого во времени.

В эпоху торжествующего неврастенического сознания, когда депрессия и тревога стали эпидемией, поражающей целые народы, когда спазмированные тела и измученные души заполняют кабинеты врачей и залы молитвенных собраний, предопределение открывается как древнее и в то же время ультрасовременное лекарство. Не химическое вещество, воздействующее на синапсы мозга, но божественная истина, проникающая в самые глубины человеческого естества, расправляющая скомканное полотно нервной системы, разрывающая порочный круг страха и напряжения.

Тело не лжет. В его напряженных мышцах, в его судорожных спазмах, в его головных болях и бессоннице проявляется истина более глубокая, чем та, которую способен признать сознательный ум. Каждая физическая боль становится криком души, заключенной в темницу тревоги, каждое мышечное напряжение – отпечатком духовного бегства от неопределенности бытия. Тело сжимается в судорожной попытке защитить себя от опасностей, большинство из которых существует лишь в воображении, но от этого не становится менее устрашающим.

Предопределение разрушает сам корень этой судорожной самозащиты. Оно открывает разуму и сердцу ту истину, что вся жизнь, со всеми ее взлетами и падениями, уже включена в предвечный замысел Того, Кто «от начала возвещает, что будет в конце» (Ис. 46:10). Не хаотичное столкновение случайностей, но стройный порядок Божественного плана; не слепая игра безличных сил, но целенаправленное действие личной Любви – вот что открывается взору, просвещенному светом предопределения.

Когда сознание принимает эту истину, начинается медленное, но верное преобразование всего человеческого существа. Дух, погруженный во Христа, обретает тот покой, который «превосходит всякий ум» (Фил. 4:7). Этот покой, словно живительный бальзам, стекает с высот духа на равнины души, умиротворяя ее тревоги, утишая ее страхи, исцеляя ее раны. И душа, исцеленная от спазма страха, в свою очередь передает это умиротворение телу, расправляя его напряженные мышцы, растворяя его защитные панцири, открывая закупоренные энергетические каналы.

Человеческое существо устроено как единое целое, где дух, душа и тело нерасторжимо связаны. Когда страх цепенит дух, его холодное дыхание сковывает и душу, и тело. Когда благодать умиротворяет дух, ее теплый свет проникает и в душевную, и в телесную сферы. Это не магия и не суеверие, но проявление той целостности, той нераздельности человеческого естества, которая была задумана Творцом от начала.

Депрессия и тревога – эти бичи современности – в своих глубочайших корнях суть духовные недуги, хотя проявляются и в психической, и в физической сферах. Их первопричина – в том фундаментальном страхе неопределенности, который преследует человека, оторванного от вечных оснований бытия. Как беззащитный лист, сорванный с ветки и носимый всеми ветрами, душа, не укорененная в предвечном избрании, мечется между отчаянием прошлого и страхом будущего, не находя покоя в настоящем.

Предопределение возвращает душе это утраченное основание. Оно говорит ей: твоя судьба не игрушка слепого случая, но драгоценный узор, вытканый на станке вечности; твоя жизнь не песчинка, уносимая бурей времени, но полновесная часть величественного замысла. И в этом осознании рождается то глубинное спокойствие, которое постепенно растворяет застарелые спазмы души и тела, подобно тому как весеннее тепло растапливает зимний лед.

Замечательное свидетельство этой целительной силы предопределения – многочисленные случаи исцеления от психосоматических расстройств, которые происходят не через специальные «исцеляющие служения», не через экзальтированные молитвы, но через тихое, глубокое принятие той истины, что Бог держит в Своей деснице все нити человеческой судьбы. Когда эта истина из области интеллектуального признания переходит в сферу экзистенциального принятия, тело откликается с поразительной готовностью – напряженные мышцы расслабляются, головные боли отступают, хронические боли в спине уменьшаются.

Это не означает, что предопределение – универсальное лекарство от всех физических недугов. Тело, подчиненное законам тления, по-прежнему подвержено болезням и смерти. Но даже в самых тяжелых телесных скорбях учение о предопределении приносит тот внутренний покой, который позволяет принимать страдание не как бессмысленную пытку, но как часть пути, ведущего к славе. И это принятие само по себе уже есть начало исцеления – если не внешней формы, то внутреннего содержания жизни.

Предопределение в трудах Перкинса: мост между древней мудростью и современной духовной жизнью

Вильям Перкинс возвышается на горизонте реформатского богословия как маяк, направляющий корабли душ в гавань уверенности. В эпоху, когда море духовных исканий вздымалось бурными волнами противоречий, он воздвиг нерушимую твердыню учения о предопределении – не как холодную крепость отвлеченной догматики, но как спасительный приют для измученных сомнениями сердец. Его перо, ведомое не просто ученостью, но глубоким пастырским попечением, превратило сложнейшую богословскую доктрину в источник жизни и утешения.

В то время как многие его современники превращали предопределение в абстрактную формулу или повод для бесконечных схоластических диспутов, Перкинс видел в нем живую артерию евангельской истины, несущую кровь уверенности к самым дальним капиллярам христианского опыта. Отточенная строгость его логических построений не заслоняла, но высветивала сердечное тепло его богословского видения. В этом удивительном сплаве интеллектуальной мощи и пастырской чуткости заключалась тайна того влияния, которое его труды оказывали на поколения верующих.

Трактат «О предопределении» выступает не просто как компедиум доктрины, но как духовное руководство, путеводитель по лабиринтам сомнений к прочному основанию веры. Перкинс не довольствуется воспроизведением августиновских формул или кальвиновских

тезисов – он раскрывает в предопределении неисчерпаемые сокровища для повседневной духовной жизни. Возводя свое учение на гранитном фундаменте Писания, он одновременно устремляет его к небесам мистического переживания Божественного присутствия.

Внимательный взгляд обнаруживает у Перкинса удивительное равновесие между интеллектуальной строгостью и духовной теплотой. Его доводы безупречны с логической точки зрения, но они никогда не остаются в холодной области абстракций – они всегда спускаются в долину практического благочестия, к источникам подлинного утешения. Так богословие в его руках становится не мечом для споров, но посохом для странствия, не броней для битвы, но хлебом для насыщения.

Уникальное положение Перкинса в истории богословской мысли определяется его способностью соединять то, что казалось несоединимым. В его трудах суровая определенность реформатской ортодоксии переплетается с живым дыханием пуританского благочестия, академическая точность формулировок – с пасторской заботой о немощных душах, требовательность к чистоте доктрины – с милосердием к ищущим и сомневающимся.

В эпоху, когда тревога пронизывает самые глубокие слои человеческого существования, когда неопределенность стала колыбелью целых поколений, а случайность возведена в ранг мировоззрения, труд Перкинса сияет с той же ясностью, что и четыре столетия назад. Не музейный экспонат, но живой голос, обращенный к современному человеку, блуждающему в лабиринтах бесконечных возможностей и утратившему ориентиры абсолютных истин.

Поразительна эта переключка веков: суета и тревога елизаветинской Англии находит свое отражение в невротической культуре цифровой эпохи. Разные декорации, но та же драма разыгрывается на сцене человеческого сердца – драма поиска твердой опоры в мире зыбких ценностей, неизменного основания среди всеобщей текучести. И ответ Перкинса—предвечное избрание как якорь души – звучит сегодня не менее актуально, чем в XVI столетии.

Современное христианство, раздробленное на островки враждующих деноминаций и течений, разделенное на замкнутые богословские системы, оттесненное на периферию культурного сознания, нуждается в том интеллектуальном и духовном синтезе, который предлагает Перкинс. В мире, где догматическая строгость часто лишена пастырской теплоты, а эмоциональное благочестие – доктринальной глубины, его уравновешенное видение может стать мостом через пропасти искусственных разделений.

Нынешнее поколение христиан, отравленное ядом религиозного субъективизма, впитавшее с молоком матери убеждение, что истина познается только через личный опыт, найдет в трудах Перкинса то противоядие, которое так отчаянно необходимо. Его акцент на объективной реальности Божественного избрания, предшествующей всякому человеческому переживанию, становится лекарством от духовной анемии, порожденной диетой расплывчатого мистицизма без догматического скелета.

Церковь XXI века, сжимающаяся под напором секулярного мировоззрения, уступающая позиции в интеллектуальной и культурной сферах, нередко пытается компенсировать эти потери заигрыванием с духом времени, размытием доктринальных границ, отказом от исторических формулировок в пользу модных нарративов. В этом контексте бескомпромиссная ясность Перкинса, его безбоязненное утверждение вечных истин, его отказ приносить открытие в жертву современности могут стать спасительным вмешательством в угасающий пульс христианского свидетельства.

Даже для невоцерковленного человека, блуждающего в поисках смысла среди руин постмодернистской относительности, труд Перкинса может стать неожиданным маяком. В мире, где каждый вынужден изобретать собственную систему ценностей, где смысл конструируется, а не открывается, где каждый человек обречен быть своим собственным богом, демиургом микрокосмоса субъективных значений, предвечное избрание открывает совершенно иную пер-

спективу – перспективу судьбы, уже решенной, смысла, уже дарованного, пути, уже проложенного.

Хотя труд Перкинса облачен в схоластические одежды и не акцентирован явно на мистическую жизнь, внимательный читатель должен увидеть в этих строгих силлогизмах и богословских размышлениях не просто интеллектуальное упражнение, но священную дверь. За ней открывается пространство подлинного мистического опыта – погружения во Христа как присутствующего сейчас, в вечном «сейчас», Небесного Жениха, ожидающего Свою невесту.

Когда Перкинс рассуждает о логических категориях предопределения, он возводит не просто стройную богословскую систему, но храм для встречи с Живым Богом. Его схоластическая терминология напоминает строительные леса, необходимые для возведения собора, но не сам собор. Между строгими линиями его доводов струится свет иной реальности – той, где душа встречается с Возлюбленным не как подсудимый с судьей, но как невеста с женихом.

В самой сердцевине его учения о двойном предопределении сокрыта не просто догматическая формула, но ключ к вратам мистического единения. Отвергая зыбкую почву человеческих эмоций как основание уверенности в спасении, Перкинс не отрицает самих эмоций, но освобождает их для более высокого призвания – не быть мерилем истины, но быть выражением принятой благодати. Так раскрепощаются крылья подлинного мистического полета, не скованного более тревогой о собственной судьбе.

Сухость его языка – не свидетельство духовной бесплодности, но сознательный выбор наиболее точного инструмента для вырезания замочной скважины, через которую читатель сможет заглянуть в тайные чертоги Царя. Подобно тому как математик строгими формулами описывает величественную гармонию космоса, так Перкинс точными богословскими формулировками указывает на неизреченную красоту Божественной любви, предшествующей всякому времени.

Искусство чтения Перкинса заключается в способности видеть за строгой логикой его рассуждений тайну, на которую эта логика указывает, но которую не может исчерпать. За каждым доводом, за каждым опровержением, за каждым силлогизмом встает невысказанное, но подразумеваемое приглашение – войти в то измерение бытия, где рассудочное знание о Боге уступает место познанию Бога в единстве любви, где учение о предопределении растворяется в самом опыте предвечного избрания.

Читайте Перкинса не как сухой учебник догматики, но как карту, ведущую к сокровищу мистического единения. Его аргументы – не стены, отделяющие от Бога, но ступени лестницы, ведущей к Нему. Его полемика – не война с оппонентами, но расчистка пути для встречи с Тем, Кто ждет душу от начала времен. Его схоластический метод – не клетка для мысли, но скальпель, отсекающий все лишнее, мешающее увидеть Единственно Необходимое.

В этом погружении в мистическую глубину предопределения раскрывается удивительный парадокс: чем яснее мы осознаем вечность избрания, тем полнее переживаем настоящий момент; чем тверже стоим на объективной истине, тем глубже наш субъективный опыт; чем больше полагаемся на предвечный замысел, тем свободнее наша любовь. Именно этот парадокс и делает труд Перкинса не просто историческим документом, но живым проводником в тайну единения с Богом, актуальным во все времена.

Заключение: приглашение к преобразующему пониманию предопределения

Подводя итог нашему путешествию через пространства предопределения, необходимо обозреть основные вершины, которые мы преодолели вместе. Учение о предопределении предстало перед нами не как абстрактная догматическая система, но как живой источник духовной трансформации, преобразующий каждую сферу христианского опыта.

Мы увидели, что предопределение – это единственно возможное непоколебимое основание для уверенности в спасении. Не в переменчивых чувствах, не в несовершенных делах, не в субъективных переживаниях, но в вечном Божьем совете, определившем судьбу избранных до основания мира, обретает душа незыблемый якорь надежды. Это основание выдерживает все бури сомнений, все штормы искушений, оставаясь неподвижным, как скала среди бушующего моря.

Мы исследовали, как предопределение позволяет человеку соприкоснуться с «вечным сейчас» – тем измерением бытия, где Бог обитает вне времени, где все моменты человеческой хронологии сжимаются в единую точку Божественного присутствия. В этом соприкосновении душа освобождается от тирании прошлого с его виной и будущего с его страхами, обретая способность по-настоящему присутствовать в настоящем мгновении, где только и возможна подлинная встреча с Богом.

Мы обнаружили, как меняется образ Бога в свете предопределения – из сурового Судии или безразличного Наблюдателя Он преображается в страстного Жениха, возлюбившего Свою невесту прежде всякого ее движения к Нему. Вместо «божества эмоциональных качелей», чье расположение меняется в зависимости от человеческих успехов или неудач, нам открылся неизменный в Своей любви Бог, Чьи определения непреложны и Чьи обетования нерушимы.

Мы проследили, как предопределение освобождает от страха – этой сущности ветхого человека – и высвобождает дух усыновления. Вместо рабского трепета перед возможным наказанием возникает сыновнее доверие к Отцу, избравшему нас не за заслуги, но по незаслуженной благодати. «Авва, Отче!» – это восклицание становится уже не просто фразой, но сердечным криком души, обретшей свое вечное жилище.

Мы увидели парадоксальное раскрытие свободы через учение, которое многим кажется ее отрицанием. Предопределение освобождает от бремени самоспасения, от изнурительных попыток заслужить то, что может быть только даровано, от тщетных усилий «стать» тем, кем можно только «быть» по благодати. В этой свободе душа сбрасывает кандалы самоцентричности и обретает способность любить из благодарности, а не из страха.

Мы открыли, что мистический опыт является не корнем, но плодом уверенности в предвечном избрании. Не из субъективных переживаний рождается уверенность, но уверенность, основанная на объективном слове Божьем, позволяет переживаниям обрести свое подлинное место и качество. Избавленный от судорожных поисков «извещения», верующий входит в пространство свободного созерцания, где встреча с Богом происходит не для подтверждения спасения, но из полноты уже принятого спасения.

Мы исследовали, как предопределение преображает повседневность. Жизненные обстоятельства, радости и скорби, подъемы и падения – все это включается в контекст «золотой цепи спасения», где ничто не случайно, ничто не бессмысленно, но все служит высшей цели уподобления Христу. В этом свете даже страдания обретают смысл и цель, а душа находит исцеление от спазмов тревоги, сковывающих и дух, и тело.

Личное свидетельство о преображающей силе учения

о предопределении

Каждый духовный путь уникален, как неповторим рисунок снежинки или отпечаток человеческого пальца. Я хочу поделиться с вами своей историей – не для того, чтобы установить некий универсальный шаблон, но чтобы засвидетельствовать преображающую силу истины, которая изменила мою жизнь. Возможно, мой опыт в чем-то перекликается с вашим собственным, и это станет утешением или ободрением на вашем пути.

Долгие годы я жил под сенью внутренней неуверенности. Не физический мрак, который можно рассеять зажженной свечой, но беспокойство души, колеблющейся между надеждой и отчаянием, лишало меня того покоя, который обещан верующим. Двадцать лет искренних религиозных исканий оборачивались странствием по пустыне неопределенности, где каждый новый духовный подвиг, вместо того чтобы приближать к желанной гавани уверенности, словно отодвигал ее горизонт. Измученное сердце искало одного – твердого знания о своем положении перед лицом Вечности.

Аскетические практики, длительные богослужения, изучение творений мистиков – все это приносило лишь мимолетное утешение, за которым следовал еще более глубокий провал отчаяния. Как землелашец, возделывающий бесплодную почву, я трудился в поте лица, но не видел плодов. Духовная жизнь превратилась в непрестанную борьбу за то, что должно было стать даром. Молитва, некогда сладостная беседа с Отцом, превратилась в тягостную обязанность, утренние и вечерние правила – в горькую повинность.

Но там, где кончается человеческая мудрость, начинается Божественное откровение. В момент наивысшего отчаяния, когда надежда почти угасла, свет предопределения прорезал тьму, как молния рассекает ночное небо. Не мои мучительные поиски привели меня к этому свету, но Сам Бог, по непостижимой милости Своей, явил мне истину, которая преобразила все мое существо.

Учение о предвечном избрании упало в мою душу не как камень богословского знания, но как семя нового рождения. Оно проросло во мне убежденностью, которая не зависела от переменчивых чувств, от духовных успехов и неудач, от высот упования и глубин отчаяния. Стоя на твердой скале Божественного «да», произнесенного в вечности, я обрел ту точку опоры, которую тщетно искал в зыбучих песках субъективного опыта.

Перемены не были мгновенными, но они были необратимыми. Подобно тому как восходящее солнце не сразу рассеивает все тени, но неизбежно изгоняет ночь, так и свет предопределения постепенно проникал во все сферы моего существования. Сначала преобразился сам образ Бога. Место грозного Судии, вечно недовольного моими усилиями, занял любящий Отец, избравший меня прежде создания мира. Страх наказания отступил перед благоговением перед незаслуженной милостью.

Затем изменилось восприятие времени. Мучительное раздвоение между прошлым, отягощенным виной, и будущим, чреватом страхом, уступило место живому переживанию вечного «сейчас», где присутствует Бог. Каждое мгновение стало драгоценным не как средство достижения чего-то в будущем, но как возможность соприкосновения с Вечностью. Тревога о грядущем растворилась в уверенности, что конец пути уже предрешен в Божественном совете.

Молитва из мучительного самопринуждения превратилась в радостное общение с Тем, Кто уже принял решение о моей судьбе. Я больше не пытался убедить Бога помиловать меня – я благодарил Его за уже дарованную милость. Все отношения с Ним переместились из сферы торга в область завета, из пространства страха в измерение любви, из территории рабства в царство сыновства.

Но самая удивительная перемена произошла на физическом уровне. Годами меня преследовали головные боли, мышечные спазмы, нервное истощение – все эти верные спутники души, разрываемой неопределенностью. И вот, по мере того как дух успокаивался в уверенности предопределения, тело также начало освобождаться от своих оков. Спазмы мышц ослабевали, головные боли становились реже, сон – глубже, дыхание – свободнее. Не мгновенное исцеление, но постепенное восстановление подарило мне радость телесного существования, о которой я уже забыл.

Учение о предопределении преобразило и мое восприятие страданий. Если раньше каждая скорбь воспринималась как знак Божьего неблаговоления, как наказание за неведомую вину, то теперь все трудности вписались в контекст Божественного замысла. Не бессмыслен-

ное мучение, но целенаправленное формирование образа Христова, не слепая игра случая, но осмысленное действие любящей руки – вот чем стали для меня жизненные испытания.

Я не утверждаю, что достиг полноты этого преображения или что живу постоянно на высотах духовного созерцания. Предопределение не уничтожает человеческую немощь, не отменяет борьбы с грехом, не устраняет необходимости духовного возрастания. Но оно меняет саму систему координат, в которой происходит эта борьба. Я больше не пытаюсь заслужить то, что может быть только даровано; не стремлюсь стать тем, кем могу только быть по благодати; не ищу подтверждения того, что уже утверждено в вечности.

В этом свидетельстве нет ничего исключительного или сверхъестественного. Тысячи душ до меня прошли тем же путем от рабского страха к сыновней уверенности через откровение о предопределении. От Августина до Лютера, от Кальвина до Эдвардса, от Сперджена до наших дней – великое облако свидетелей подтверждает преображающую силу этой истины. Я лишь ничтожная капля в этом океане свидетельств, но я не могу молчать о том, что пережил и переживаю ежедневно.

Дорогой друг, стоящий у врат этого сада, выслушай безмолвное приглашение войти. Не как нейтральный наблюдатель, не как отстраненный критик, но как жаждущий странник, ищущий истинных вод среди пустыни условных истин. Учение о предопределении ждет тебя не для академического изучения, но для экзистенциального погружения, не для интеллектуальных баталий, но для преображающей встречи.

Вспомни, как все утомили душу твою суетные попытки достичь того, что должно быть принято как дар. Взвесь, как часто радость вечери превращалась в горечь, когда между тобой и Господом вставали тени сомнений. Исчисли раны, нанесенные духу твоему страхом отвержения, и смотри—вот Искупитель, простирающий руки и говорящий: «Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой».

Предопределение не есть философская концепция, требующая лишь ментального согласия, но живая дверь в иное измерение духовного опыта. Отважься ступить через этот порог – не из любопытства, но из жажды. Сделай шаг не для научения ума, но для исцеления сердца, не для обретения нового знания, но для вхождения в новую реальность.

На этом пути встретятся тебе тернии непонимания и камни соблазна. Ветхая природа воспротивится истине, как узник противится лучу света, внезапно прорезавшему тьму темницы. Разум пожелает низвести тайну до уровня задачи, которую можно решить; сердце утрашит безмерности благодати, которая превосходит все человеческие категории. Но да не смутят тебя эти препятствия.

Нет большего чуда, чем момент, когда душа, изможденная поисками, вдруг обнаруживает, что была найдена прежде, чем начала искать. Нет слаще откровения, чем внезапное понимание, что ты возлюблен не за заслуги свои, но в силу суверенного избрания Того, Кто есть Любовь. И нет глубже покоя, чем осознание, что твоя судьба решена не в зыбких песках времени, но в нерушимой скале вечности.

Дерзни принять это приглашение не как одно из многих, но как единственно необходимое для твоего духовного возрастания. Не упусти встречи с той истиной, которая освобождает не через познание новых границ, но через разрушение всех границ, отделяющих тебя от безграничной любви Творца. Войди в этот поток не как наблюдатель, созерцающий движение воды с берега, но как путник, жаждущий погрузиться в живительные воды и быть унесенным их течением.

Да откроется тебе, что предопределение есть не цепь, сковывающая свободу, но ключ, отпирающий темницу ложной свободы; не бремя, придавливающее к земле, но крылья, возносящие к небесам; не холодная доктрина, но пламенеющее сердце Евангелия, без которого оно превращается в еще один закон. И да обретешь ты в этом откровении не просто новую богословскую категорию, но новое измерение бытия – то, где время и вечность встречаются,

где ограниченное и безграничное целуются, где тварное и нетварное вступают в таинственный брак.

Ибо конечная цель предопределения не в том, чтобы наполнить ум знанием, но в том, чтобы наполнить сердце любовью; не в том, чтобы утвердить правоту одной богословской школы над другой, но в том, чтобы утвердить душу на нерушимом основании; не в том, чтобы дать человеку повод для гордости избранностью, но в том, чтобы привести его к глубочайшему смирению перед незаслуженной благодатью. Потому вступай на этот путь не с высокомерием знающего, но со смирением ищущего, не с самоуверенностью мудреца, но с открытостью ребенка.

Да будет тебе предопределение не предметом споров, но источником созерцания; не поводом для разделений, но основанием единства; не боевым кличем в схоластических битвах, но песнью хвалы в тайниках сердца. И да откроется тебе через эту истину Тот, Кто Сам есть Истина – не как далекая абстракция, но как близкий Жених, возлюбивший тебя прежде создания мира и ожидающий тебя в вечном «сейчас» Своего присутствия.

Предлагаемый вашему вниманию текст представляет собой не дословный перевод трактата Уильяма Перкинса "О предопределении", но его переложение, адаптированное для современного читателя. Оригинальный труд Перкинса, написанный в конце XVI века, изобилует схоластической терминологией и философскими тонкостями, которые сегодня могут показаться недоступными или устаревшими. Моя задача заключалась в том, чтобы сохранить глубину и точность богословской мысли Перкинса, но облечь её в более понятную современному человеку форму.

Я сделал переложение и перевод, добавил от себя пояснения и разъяснения, но так, чтобы не терялась целостность текста и не искажался изначальный смысл автора. Сложный язык схоластики и средневековой философии был адаптирован для того, чтобы современный читатель мог не только понять логику рассуждений великого богослова, но и почувствовать их жизненную силу, их способность преображать духовный опыт.

Там, где Перкинс использует краткие формулировки, подразумевая знакомство читателя с богословским контекстом своего времени, я позволил себе развернуть мысль, объяснить предпосылки, провести параллели с современными духовными исканиями. Моя цель – не упростить сложное, но сделать его доступным, не исказить истину, но раскрыть её актуальность для нашего времени.

Евгений Жуков, июнь 2025

Уильям Перкинс
Учение о предопределении

Обращение к читателю

Учение о предопределении и Божественной благодати должно утверждаться не на суждениях людей, но на писаном слове Божиим. Ибо, как хорошо сказал Иларий Пиктавийский¹, «понять Бога можно только с помощью Бога»². И еще: «Мы должны научиться от Бога тому, что следует понимать о Боге, поскольку Его можно познать, только если Он является источником этого знания»³. К тому же необходимо, чтобы это учение согласовывалось с основами здравого смысла и с тем познанием Бога, которое доступно через естественное откровение.

Отсюда проистекают следующие принципы:

Бог всегда справедлив, даже когда люди не понимают, в чем заключается Его справедливость. Даже когда Его действия кажутся нам непостижимыми, Его справедливость остается совершенной – как совершенный судья остается справедливым, даже если подсудимый не понимает всех тонкостей закона.

Бог не управляется никакими иными, чем Сам Он, причинами и тем более не зависит от них, но праведно распоряжается всеми вторичными причинами, даже когда они действуют неправедно. Он как искусный правитель, который может использовать даже злые намерения своих подданных для достижения благих целей, не становясь при этом причастным ко злу.

Бог действует премудро – ставя перед Собой определенную цель. Он всеведущ и не пребывает в неведении ни о чем. Он не желает и не постановляет того, чего не может исполнить. Он не праздный наблюдатель за происходящим или возможным, но верховный правитель, направляющий всё к Своей славе, и потому все Его решения согласованы с этой высшей целью.

Бог неизменен. А все, что меняется, меняется не без Его неизменного постановления, причем все обстоятельства этого определены и непреложны. Подобно тому, как основание здания остается неподвижным, в то время как на нем возводятся различные этажи, так и Божье неизменное определение поддерживает все изменяющиеся события в мире.

Сокровенные и непостижимые определения Всевышнего Бога, начертанные в Его вечном совете, должны вызывать в нас трепетное благоговение и смиренное принятие. Августин⁴ говорит: «“Меня смущает, – говоришь ты, – что один погибает, а другой принимает крещение. Это смущает меня, смущает как человека”. Если хочешь услышать правду, то и меня это смущает, ведь и я человек. Но если и ты человек, и я человек, то послушаем вместе того, кто говорит: “А ты кто, человек?”. Если мы смущаемся по той причине, что мы люди, то ведь апостол, разумеется, обращается именно к немощной и слабой человеческой природе, когда говорит: “А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал?” (Рим. 9:20). Если бы зверь мог говорить и сказал бы Богу: “Зачем Ты сделал вот этого человеком, а меня – зверем?”, – то разве бы ты не разгневался на него по справедливости и не сказал бы: “А ты кто, зверь, что споришь с Богом?”. Но ведь и сам ты, пусть и человек, но в сравнении с Богом – зверь»⁵.

¹ Иларий (ок. 310 – ок. 367) – епископ Пиктавийский (совр. Пуатье), латиноязычный христианский богослов, известный борец с арианством.

² *Иларий Пиктавийский*. О Троице. 5. 20. Перевод Д. В. Смирнова. Издание оригинала: *Hilarius Pictaviensis. De trinitate*. Turnholti, 1971. Vol. 1. (Corpus Christianorum Series Latina; 62). P. 171.

³ *Иларий Пиктавийский*. О Троице. 5. 21. Перевод Д. В. Смирнова. Издание оригинала: *Hilarius Pictaviensis. De trinitate*. Turnholti, 1971. Vol. 1. (Corpus Christianorum Series Latina; 62). P. 172.

⁴ Аврелий Августин (354–430) – епископ Гиппонский, латиноязычный христианский писатель, философ и богослов, труды которого особенно повлияли как на средневековое западное христианство, так и на всех ключевых деятелей протестантской Реформации.

⁵ *Августин*. Проповедь 26. 15. Перевод Д. В. Смирнова. Издание оригинала: *Augustinus. Sermones de Vetere Testamento*. Turnholti, 1961. (Corpus Christianorum Series Latina; 41). P. 358–359.

Никакое доброе дело не может быть совершено, если Бог не возжелает его в Своем непреложном совете и не осуществит его Своей силой; и мы творим добро лишь настолько, насколько Вседержитель действует в нас. Наше доброе дело – не плод нашей самостоятельной воли, но проявление Божественного действия через нас, подобно тому как свет свечи есть не что иное, как явление пламени.

Никакого зла нельзя избежать, если Бог не воспрепятствует ему. И мы избегаем зла настолько, насколько Бог так или иначе препятствует ему. Когда мы устоим против искушения, это не наша собственная сила, но Божия защита, как корабль, преодолевающий шторм, делает это не своей собственной силой, а благодаря опыту капитана.

Воля Божия познаётся не только через записанное слово или откровение, но также через происходящие события. Ибо то, что случается, случается именно потому, что Бог пожелал, чтобы оно случилось. Перед нами раскрывается книга Божьего провидения – каждое событие мироздания есть выражение и воплощение Его верховной воли, хотя наш ограниченный разум не всегда способен верно истолковать эти проявления.

Человек не совершает доброго дела, даже если получил от Бога способность это сделать, пока Бог не побудит его действительно это совершить. Это подобно тому, как недостаточно просто дать человеку музыкальный инструмент – нужно еще вдохновить его играть. Для настоящего добра нужны два дара от Бога: сначала Он дает нам возможность делать добро, а затем – само желание и силу это осуществить. Без второго дара первый остается неиспользованным.

Не часть только, но все управление миром и осуществление правосудия должно приписываться Богу как источнику. Все творение, от величайших космических процессов до мельчайших движений в природе, от самых значительных исторических событий до повседневных человеческих дел – все находится под верховным управлением и промыслом Божиим.

Моя цель не просто представить вам очерк и образ этого учения, построенный на изложенных основаниях, но сделать это для того, чтобы по мере своих сил помочь тем, кто испытывает затруднения с этим учением о предопределении; чтобы очистить истину, которую называют «кальвинистским учением», от тех упреков, которые на нее возводятся; и чтобы смягчить и успокоить умы некоторых наших братьев, которые были более смущены им, чем следовало. Ибо я добровольно признаю и учу всеобщему искуплению и благодати настолько, насколько это возможно согласно Слову Божию. Мое намерение – стремиться к миру, который удаляется от нас; и я бы хотел, чтобы все люди именно так истолковывали мои действия.

Я привожу повсюду свидетельства древних не потому, что полагаю, что всякое, даже самое ясное и понятное, изречение Священного Писания относительно любого пункта учения и веры не ценно и не сильно само по себе и нуждается в пояснениях всевозможных учителей и схоластов, но потому, что считаю необходимым показать пример согласия и созвучия в том учении, которое излагается в священных книгах и передается всему человечеству. Надеюсь, что я достаточно убедительно покажу непредвзятому судье, что то, что мы излагаем в наших собраниях и школах, не было недавно высижено дома, но что мы также определили и извлекли это из авторитетных отцов Церкви.

Введение

Предопределение – это замысел Божий относительно высшей цели человека, то есть его состояния после смерти, за гранью этой временной, естественной жизни. Важным моментом является равенство всех людей в глазах Бога. Здесь нет различий по происхождению, социальному положению или даже по личным заслугам. Однако в замысле Божьем эта жизнь рассматривается как подготовка, ступень, через которую человек проходит, чтобы достичь своей высшей цели – жизни духовной и небесной. Как пишет апостол Павел в Первом послании к Коринфянам: *«Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное»* (1 Кор. 15:46). Это означает, что земная жизнь – лишь временное состояние, необходимое для того, чтобы человек мог войти в полноту жизни духовной и вечной.

Высшая цель предопределения состоит в явлении славы Божией, которая проявляется через два аспекта Божьего характера: через Его милость и через Его правосудие. В этом контексте понятие предопределения открывает перед нами две противоположные реальности: одна – это благодать, которая ведет к спасению, а другая – справедливое осуждение, которое приводит к гибели. Этот взгляд на предопределение как на реализацию Божественного замысла через милость и правосудие уходит корнями в учение древних отцов Церкви.

Августин, например, делит все человечество на два сообщества, которые он символически называет «двумя градами, из которых одному предназначено вечно царствовать с Богом, а другому – подвергнуться вечному наказанию с дьяволом». Этот взгляд подчеркивает, что в конечном итоге каждый человек оказывается в одном из двух состояний, которые противоположны друг другу: спасение и вечная жизнь с Богом или осуждение и вечные муки.

Здесь важно отметить, что Августин не утверждает, что какой бы то ни было из этих исходов зависит от человеческого выбора или заслуг. Он говорит о предопределении как о неотвратимом Божиим плане, в котором каждый человек уже на земле избран к одному из этих двух конечных состояний. Это учение Августина противоречит взглядам, которые подчеркивают свободу воли человека в вопросах спасения, утверждая, что все зависит от свободного выбора человека. В представлении Августина, однако, роль человеческой воли ограничена – человек лишь отвечает на уже установленное Богом предопределение.

Фульгенций⁶ также описывает предопределение как акт Божия решения, в котором «уготовано либо милосердное прощение грехов, либо справедливое наказание за них»⁷. Таким образом, предопределение – это не просто произвольный акт Бога, а акт, исходящий из Его справедливости и милосердия. Он различает два пути: один для тех, кто получает прощение через милость Божию, и другой для тех, кто подвергается наказанию за свои грехи, что является результатом правосудия Божия.

Григорий Великий⁸ выражает подобную мысль, когда говорит, что *«Бог, будучи справедливым Творцом всех людей, удивительным образом предизбрал одних и оставил других в их порочных нравах»*⁹. В этом утверждении подчеркивается, что Божий выбор, который проявляется в предопределении, имеет в своей основе нечто более глубокое – Божью справедливость и одновременно в этом проявляется также и милосердие, поскольку Бог спасает одних без их

⁶ Фабий Клавдий Гордиан Фульгенций (462/467–527/533) – епископ Руспский, латиноязычный христианский богослов, борец против арианства и пелагианства.

⁷ Фульгенций. К Мониму. 1. 23. 6. Перевод Д. В. Смирнова. Издание оригинала: *Fulgentius Ruspensis. Ad Monimum // Fulgentius Ruspensis. Opera. Turnholti, 1968. Pars 1. (Corpus Christianorum Series Latina; 91). P. 23.*

⁸ Григорий I Великий (Двоеслов; ок. 540–604) – папа Римский (590–604), один из крупнейших христианских богословов.

⁹ Григорий Великий. Моралии на книгу Иова. 33. 21. 38. Перевод Д. В. Смирнова. Издание оригинала: *Gregorius Magnus. Moralia in Job. Turnholti, 1985. Vol. 3. (Corpus Christianorum Series Latina; 143B). P. 1709.*

заслуг, но оставляет других, кто по своему развращению отвергает Его, являя Свою святость, которая выражается в нетерпимости ко греху.

Даже среди схоластов наиболее рассудительные признавали, что Бог, желая наиболее полным образом явить Свое совершенство, одних предопределил, явив Свое милосердие, тогда как прочих правосудно отверг. Это свидетельствует о том, что даже в схоластической традиции, с которой я во многом не согласен, было понимание двойного предопределения как проявления разных аспектов Божьего характера. Они видели, что предопределение – это не произвольное действие, а глубоко обоснованный замысел, в котором различные судьбы людей служат для раскрытия полноты Божьих атрибутов, хотя в остальном их построения часто уклонялись от истины Писания.

Двойное основание предопределения

Предопределение в Божественном замысле имеет двойное основание: это сотворение человека и попущение падения. Эти два аспекта предопределения связаны между собой, и понимание их позволяет раскрыть глубину Божественного замысла о спасении человечества.

Сотворение человека

Сотворение человека – это тот момент, когда Бог создал человека по Своему образу и подобию, наделив его разумом, свободной волей и естественной жизнью. Это был акт творения, в котором Бог даровал человеку особое достоинство – способность к выбору, к самосовершенствованию и изменению. Человек был создан совершенным, но при этом Бог не лишил его свободы. Сотворение по образу и подобию Божьему означает, что человек был наделен способностью выбирать между добром и злом, что, с одной стороны, давало ему великое достоинство, а с другой – ставило перед ним огромную ответственность. В Адаме Бог заключает завет со всем человечеством. И вина Адама вменяется всем его потомкам – но лишь для того, чтобы во Христе праведность Иисуса могла вмениться всем верующим.

Попущение падения

Попущение падения – это то, как Бог в Своем правосудии допустил грехопадение Адама и его потомков, не воспрепятствовав им, когда Он мог это сделать. По правде, Бог не был обязан препятствовать этому, ибо, как утверждает учение, Бог не вмешивается в дела свободной воли, когда эта воля противится Его заповедям. Попущение зла происходит по воле Бога, но с целью достижения более великого блага, которое было бы невозможно без существования зла.

Здесь важен момент, который часто поднимается в христианском богословии: если бы не было греха, то не было бы и возможности для проявления Божьего долготерпения и милосердия. В этом контексте Бог позволяет злу существовать, потому что из этого зла может быть извлечено нечто большее – благо. Например, крестная жертва Христа или страдания мучеников – это «добро», которое рождается из «зла», как в случае с грехом Адама.

Августин говорит, что «Бог рассудил, что лучше делать из зла добро, чем вообще не допустить никакого зла»¹⁰. Это высказывание указывает на важный принцип: Бог не устраняет зла, но использует его как средство для исполнения Своего замысла о спасении мира. Зло не является целью Божьего творения, но оно входит в Его план как элемент, из которого Бог извлекает высшее добро. В традиционном представлении о «счастливой вине» (лат. *felix culpa*)¹¹ подчеркивается, что через падение человечества и спасение, которое пришло через Иисуса Христа, произошло величайшее благо, которое иначе не было бы возможно. Грех Адама, хотя и являлся злом, стал тем катализатором, который позволил Богу проявить Свою милость в высшей степени, ибо Христос, Сын Божий, пришел в мир и умер за грехи мира, давая человечеству возможность спасения.

¹⁰ *Августин*. Энхиридион. 8. 27. Перевод Д. В. Смирнова. Издание оригинала: *Augustinus. Enchiridion // Aurelii Augustini Opera*. Turnholti, 1969. Pars 13. Vol. 2. (Corpus Christianorum Series Latina; 46). P. 64.

¹¹ Перкинс приводит эти слова с авторством Григория Великого, ссылаясь на литургический текст («In benedictione cerei pascali» = «На благословение пасхальной свечи»), который приписывался Григорию, однако вряд ли ему принадлежит.

Петр Дивиначелло¹² продолжает эту мысль, утверждая, что «Своим грозным правосудием попускает злу совершиться, но при этом Он милосердно предвидит, какие блага Он предполагает сделать, пользуясь тем злом, которое Он определил Своим судом. Ведь разве есть большая вина, чем та, из-за которой все мы умираем? И разве есть большая благодать, чем та, по которой мы все освобождаемся от смерти? И, несомненно, если бы Адам не согрешил, Спаситель не должен был бы воспринять нашу плоть... Поскольку ради грешников Богу предстояло родиться человеком, всемогущий Бог предвидел, что из того зла, из-за которого людям подобало умереть, Он сделает добро, которое победит это зло. Поистине, кто из верных не увидит, насколько удивительно величие этого блага? Конечно, велики те беды, которые мы претерпели по вине первого преступления, но какой верующий не предпочел бы претерпеть даже худшее, чтобы только не остаться без столь великого Искупителя?»¹³. Петр акцентирует внимание на том, что Бог, несмотря на Свою справедливость, допускает зло, потому что предвидит, как это зло может быть преобразовано в благо. Для христианина важен тот факт, что Божья цель – не уничтожение зла, а преображение его в добро. В этом контексте он упоминает, что грех Адама, хотя и привел к смерти, стал тем моментом, который позволил явить человечеству Спасителя, «которого не было бы, если бы Адам не согрешил».

То, что я сказал о попусчении падения, я утверждаю и о самом попущенном падении, с той лишь разницей, что попущение – это инструмент Божественного постановления, являющийся средством для исполнения высшей воли Божией, а само падение, хотя и связано с Божьим попусчением, происходит как результат конкретного установления Бога. Бог, по Своему великому промыслу, извлекает добро из зла, что является частью Его высшего замысла.

Попущение падения не произошло иначе как по воле Божией. Важно понимать, что ни одно событие, даже если оно касается падения человека, не может произойти вопреки Божьей воле. Все, что происходит в мире, не выходит за пределы того, что Бог допускает. То есть это не случайность и не нарушение Божественного порядка. Все, что случается, происходит в рамках того, что Бог позволяет, и не может произойти ничего больше, чем Он Сам дозволяет.

Однако, несмотря на то что падение человека было попущено Богом, его настоящей причиной является не воля Божия, а воля человеческая, которой Бог предоставил свободу. Людям дана свобода воли, и именно через эту свободу человек совершает грех и падение. Хотя Бог и попускает человеку совершить зло, Он не является прямой причиной этого зла.

Сатана также играет свою роль, внушая человеку желание согрешить. В этом смысле можно сказать: как Бог не является прямой причиной зла, так и Он не является источником этого зла, но допускает его как следствие свободной воли человека. Сатана, действуя через свою ложь и искушение, становится дополнительным фактором в падении, но и он действует в рамках Божьего попущения, не выходя за пределы воли Бога.

¹² Петр Дивиначелло (также Пьетро ди Кава, XII в.) – итальянский монах и экзегет.

¹³ *Петр Дивиначелло*. Объяснение на Первую книгу Царств. 4. 10. Перевод Д. В. Смирнова. Издание оригинала: *Gregorius Magnus, [pseudo]*. In *librum primum Regum // Gregorius Magnus*. In *Canticum canticorum; In librum primum Regum*. Turnholti, 1963. (Corpus Christianorum Series Latina; 144). P. 300–301.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.